

Est. A - 16416

21

Сборникъ.

„Изъ области русской словесности“.

II V. 16

5992.

№ 6.

ПОВѢСТИ

АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА.

(Выстрѣль, Барышня крестьянка,
Дубровский.)

Приспособилъ для класснаго чтенія .

(въ IV и III)

Г. Г. фонъ - Эльцъ.

INV.

№

ДЕРЖИТЬ.

Изданіе Э. Ю. Карова.

1887 г.

Дозволено цензурою. — Дерптъ, 30. Марта 1887 г.

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU
i 2945816x

Печать К. Матисена въ Дерптѣ 1887 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Повѣстей Пушкинъ (1819 — 1837) написалъ одиннадцать и два романа*). Изъ нихъ не всѣ окончены. Въ повѣстяхъ своихъ Пушкинъ описывалъ слышанное и пережитое имъ самимъ. Такъ въ повѣсти „Выстрѣлъ“ Пушкинъ изобразилъ, что было съ нимъ, когда онъ совсѣмъ молодымъ человекомъ жилъ въ Кишинёвѣ. Поэтъ нашъ въ то время развивалъ въ себѣ физическую силу и ловкость. Въ квартирѣ своей онъ стрѣлялъ изъ пистолета въ цѣль, начерченную углемъ на стѣнѣ. Любимымъ правиломъ его было: „Старайся испытать не трусь ли ты, если нѣтъ, то старайся укрѣплять врожденную смѣлость“... Слова эти были написаны въ записной книжкѣ Пушкина и онъ всегда носилъ ихъ съ собою.

*) Пять подъ именемъ: „Повѣсти Бѣлкина“: Выстрѣлъ, Метель, Гробовщикъ, Станціонный смотритель, Барышня-крестьянка. Затѣмъ: Исторія села Горохина, Рославлевъ, Пиковая дама, Кирджали, Египетскія ночи, Дубровскій. Два романа: Арапъ Петра Великаго и Капитанск. дочка.

Разъ Александръ Сергѣевичъ былъ вызванъ на дуэль офицеромъ З. Онъ долженъ былъ ее принять, хотя вообще считалъ дуэль вещью недостойною.

На мѣсто дуэли Пушкинъ пришолъ, держа фуражку въ рукѣ. Въ фуражкѣ были вишни, которыя онъ ѣлъ.... Было отсчитано двѣнадцать шаговъ. Пушкинъ сталъ на указанное мѣсто, и по прежнему ѣлъ вишни, выплевывая косточки. З. сталъ прицѣливаться — хладнокровіе Пушкина его смущало; наконецъ онъ выстрѣлилъ и промахнулся Пушкинъ, не стрѣляя, ушолъ. Черезъ семь лѣтъ (въ 1830 г.) въ повѣсти: „Выстрѣлъ“ Пушкинъ изобразилъ этотъ эпизодъ своей жизни.

Основою для повѣсти „Дубровскій“ былъ процессъ между двумя помѣщиками Нижегородской губерніи, гдѣ у Пушкина было родовое имѣніе Бѣлино, въ которомъ онъ писалъ нѣкоторыя свои повѣсти. Дубровскій писанъ въ 1832 году.

В.

Выстрѣль.

I.

Нашъ полкъ стоялъ въ маленькомъ мѣстечкѣ, въ которомъ мы, кромѣ своихъ мундировъ, ничего не видали.

Къ нашему офицерскому обществу принадлежалъ человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, отставной гусарскій офицеръ по имени Сильвіо.

Опытность, крутой нравъ и злой языкъ давали ему между нами большой перевѣсъ и имѣли большое вліяніе на молодые умы. Онъ держалъ открытый столъ для всѣхъ офицеровъ нашего полка. Мы охотно бывали у него, читали его книги, пили его вино и участвовали въ главномъ его упражненіи, въ стрѣльбѣ изъ пистолета.

Искусство, до коего достигъ онъ, было неимоверно, и если-бъ онъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого-бъ то ни было, никто-бъ въ нашемъ полку не усомнился подставить ему своей головы. Разговоръ между нами касался часто поединковъ; Сильвіо никогда въ него не вмѣшивался. На вопросъ, случалось-ли ему драться, отвѣчалъ онъ сухо, что случалось, но въ подробности не входилъ, и видно было, что

таковыя вопросы были ему непріятны. Мы полагали, что на совѣсти его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужаснаго искусства. Впрочемъ намъ и въ голову не приходило подозрѣвать въ немъ что нибудь похожее на робость. Есть люди, коихъ^{а)} одна наружность удаляетъ таковыя подозрѣнія. Нечаянный случай всѣхъ насъ изумилъ.

Однажды мы обѣдали у Сильвіо и послѣ обѣда сѣли играть въ карты. Между нами находился офицеръ, недавно къ намъ переведенный. За картами вышло между нимъ и Сильвіо недоразумѣніе. Молодой офицеръ, разгоряченный виномъ и игрою, жестоко оскорбилъ Сильвіо и оставилъ его домъ.

Мы въ послѣдствіяхъ сомнѣваться не могли и полагали новаго товарища уже убитымъ. Но прошелъ день, другой, третій и Сильвіо съ нимъ не дрался. Онъ довольствовался легкимъ объясненіемъ и помирился.

Это было чрезвычайно повредило ему во мнѣніи молодежи. Недостатокъ смѣлости менѣе всего извиняется молодыми людьми, которые въ храбрости обыкновенно видятъ верхъ ¹⁾ человѣческихъ достоинствъ Однако-жъ, мало по малу все было забыто, и Сильвіо снова приобрѣлъ прежнее свое вліяніе.

а) Кѣихъ = которыхъ.

Одинъ я не могъ уже къ нему приблизиться. Онъ любилъ меня; по крайней мѣрѣ со мной однимъ оставлялъ обыкновенное свое рѣзкое злорѣчіе²⁾ и говорилъ о разныхъ предметахъ съ простодушiемъ и необыкновенною прiятностію.

Но послѣ несчастнаго вечера мнѣ было совѣстно глядѣть на него. Я замѣтилъ раза два въ немъ желаніе со мною объясниться; но я избѣгалъ такихъ случаевъ, и Сильвіо отъ меня отступился.

Однажды мы собрались всѣ въ нашей полковой канцеляріи, гдѣ мы получали письма и пакеты, адресованные въ нашъ полкъ. Между нами былъ и Сильвіо. Ему подали письмо, съ котораго онъ сорвалъ печать съ видомъ величайшаго нетерпѣнія. Его глаза сверкали, когда онъ пробѣгалъ³⁾ письмо.

„Господа“, — сказалъ онъ, обращаясь къ намъ — „обстоятельства требуютъ немедленнаго моего отсутствiя; ѣду сегодня въ ночь⁴⁾); надѣюсь, что вы не откажетесь отобѣдать у меня въ послѣдній разъ. Я жду и васъ“, продолжалъ онъ, обратившись ко мнѣ: „жду непременно.“

Когда мы пришли къ Сильвіо, все его добро⁵⁾ было уже уложено. Хозяинъ былъ чрезвычайно въ духѣ⁶⁾ и скоро его веселость овладѣла и нами. Только поздно вечеромъ мы встали изъ-за стола. При разборѣ фуражекъ⁷⁾ Сильвіо просилъ меня остаться, сказавъ: „мнѣ нужно съ вами поговорить.“

Гости ушли; мы остались вдвоем⁸⁾, сѣли другъ противъ друга и молча закурили трубки. Прошло нѣсколько минутъ, и Сильвіо прервалъ молчаніе: „Можетъ быть, мы никогда больше не увидимся,“ — сказалъ онъ мнѣ — „передъ разлукой я хотѣлъ съ вами объясниться. Вы могли замѣтить, что я мало уважаю постороннее⁹⁾ мнѣніе; но я васъ люблю, и чувствую: мнѣ было-бы тягостно оставить въ вашемъ умѣ несправедливое впечатлѣніе.... Вамъ было странно, что я не требовалъ удовольствія отъ этого пьянаго сумасброда¹⁰⁾ Р***. Вы согласитесь, что, имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ, а моя почти безопасна: я могъ бы приписать умѣренность¹¹⁾ мою одному великодушію, но не хочу лгать. Если-бъ я могъ наказать Р***, не подвергая вовсе моей жизни, то я бъ ни за что не простилъ его.“

Я смотрѣлъ на Сильвіо съ изумленіемъ. Таковое признаніе совершенно смутило меня. Сильвіо продолжалъ.

„Такъ точно¹²⁾: я не имѣю права подвергать себя смерти. Шесть лѣтъ тому назадъ я получилъ пощечину, и врагъ мой еще живъ.“

Любопытство мое было сильно возбуждено. „Вы съ нимъ не дрались¹³⁾?“ спросилъ я. „Обстоятельства вѣрно васъ разлучили?“

„Я съ нимъ дрался,“ отвѣчалъ Сильвіо:
„и вотъ памятникъ нашего поединка.“

Сильвіо всталъ и вынулъ изъ картона красную шапку съ золотою кистью, и галуномъ¹⁴⁾; онъ ее надѣлъ; она была прострѣлена на вершокъ ото лба.

„Вы знаете“, продолжалъ Сильвіо, „что я служилъ въ *** гусарскомъ полку. Характеръ мой вамъ извѣстенъ: я привыкъ первенствовать¹⁵⁾, но смолоду¹⁶⁾ это было во мнѣ страстію. Въ наше время буйство¹⁷⁾ было въ модѣ: я былъ первымъ буяномъ¹⁸⁾ по арміи^{б)}. Дуэли въ нашемъ полку случались поминутно: я на всѣхъ былъ или свидѣтелемъ, или дѣйствующимъ лицомъ. Товарищи меня обожали¹⁹⁾, а полковые командиры, поминутно смѣняемые, смотрѣли на меня, какъ на необходимое зло²⁰⁾).

„Я спокойно наслаждался моею славою, какъ опредѣлился^{с)} къ намъ молодой человѣкъ богатой и знатной фамиліи. Отроду²¹⁾ не встрѣчалъ счастливца столь блистательнаго! Вообразите себѣ молодость, умъ, красоту, веселость самую бѣшеную, храбрость самую безпечную, громкое²²⁾ имя, деньги, которымъ не зналъ онъ счета²³⁾ и которыя никогда у него не

б) По арміи = въ арміи.

с) Опредѣлился къ намъ т. е. поступилъ въ нашъ полкъ.

переводились, и представьте себѣ, какое дѣйствіе долженъ былъ онъ произвести между нами. Первенство ²⁴⁾ мое поколебалось. Обольщенный моею славою, онъ сталъ было искать моего дружелюбія; но я принялъ его холодно, и онъ безо всякаго сожалѣнія отъ меня удалился. Я его возненавидѣлъ. Успѣхи его въ полку и въ обществѣ женщинъ приводили меня въ совершенное отчаяніе. Я сталъ искать съ нимъ ссоры; на эпиграммы ^{d)} мои отвѣчалъ онъ эпиграммами, которыя всегда казались мнѣ неожиданными и острѣе моихъ, и которыя конечно не въ примѣръ ²⁵⁾ были веселѣе; онъ шутилъ, а я злобствовалъ. Наконецъ однажды на балѣ у польскаго помѣщика, видя его предметомъ вниманія всѣхъ дамъ, и особенно самой хозяйки, я сказалъ ему на ухо какую-то плоскую грубость. Онъ вспыхнулъ и далъ мнѣ пощечину. Мы бросились къ саблямъ ²⁶⁾; дамы попадали въ обморокъ; насъ растащили, и въ ту же ночь поѣхали мы драться.

„Это было на разсвѣтѣ ²⁷⁾. Я стоялъ на назначенномъ мѣстѣ съ моими тремя секундантами. Съ неизъяснимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я моего противника. Весеннее

d) Эпиграмма = надпись; острая мысль или насмѣшка, высказанная въ краткомъ стихотвореніи. Тутъ: острота, насмѣшливые слова, насмѣшки, колкіе намѣки, колкости.

солнце взошло, и жаръ уже наспѣвалъ²⁸). Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундantomъ. Мы пошли къ нему навстрѣчу. Онъ приближался, держа фуражку, наполненную черешнями²⁹). Секунданты отмѣрили намъ двѣнадцать шаговъ. Мнѣ должно было стрѣлять первому; но волненіе злобы во мнѣ было столь сильно, что я не понадѣялся на вѣрность руки и, чтобы издать себѣ время остыть, уступалъ ему первый выстрѣлъ; противникъ мой не соглашался. Положили бросить жребій³⁰): первый нумеръ достался ему, вѣчному любимцу счастія. Онъ прицѣлился и прострѣлилъ мнѣ фуражку. Очередь была за мною³¹). Жизнь его была наконецъ въ моихъ рукахъ; я глядѣлъ на него жадно, стараясь уловить хотя одну тѣнь безпокойства. Онъ стоялъ подъ пистолетомъ, выбирая изъ фуражки снѣлыя черешни и выплевывая косточки, которыя долетали до меня. „Что пользы^{e)} подумалъ я — лишить его жизни, когда онъ ею вовсе не дорожитъ?“ Злобная мысль мелькнула въ умѣ моемъ. Я опустил пистолетъ. „Вамъ, кажется теперь не до смерти³²)“, сказалъ я ему: „вы изволите завтракать; мнѣ не хочется вамъ помѣшать.“

e) Что пользы? = какая мнѣ польза?

— Вы ничуть³³⁾ не мѣшаете мнѣ, возразилъ онъ: извольте себѣ стрѣлять, а впрочемъ, какъ вамъ угодно; выстрѣлъ вашъ остается за вами³⁴⁾; я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ. Я обратился къ секундантамъ, объявивъ, что нынче стрѣлять не намѣренъ, и поединокъ тѣмъ и кончился...

„Я вышелъ въ отставку и удалился въ это мѣстечко. Съ тѣхъ поръ не прошло ни одного дня, чтобъ я не думалъ о мщеніи. Нынѣ часъ мой насталь.“

Сильвіо вынулъ изъ кармана утромъ полученное письмо и далъ мнѣ его читать. Его повѣренный по дѣламъ³⁵⁾ писалъ ему изъ Москвы, что извѣстная особа скоро должна вступить въ законный бракъ съ молодой и прекрасной дѣвушкой.

„Вы догадываетесь“, сказалъ Сильвіо: „кто эта извѣстная особа. Ёду въ Москву. Посмотримъ, такъ ли равнодушно приметъ онъ смерть передъ своей свадьбой, какъ нѣкогда ждалъ ее за черешнями!“

При сихъ словахъ Сильвіо всталъ, бросилъ объ полъ свою фуражку и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ тигръ по своей клѣткѣ. Я слушалъ его неподвижно; странныя, противоположныя чувства волновали меня.

Слуга вошелъ и объявилъ, что лошади

готовы. Сильвіо крѣпко сжалъ мнѣ руку: мы поцѣловались. Онъ сѣлъ въ телѣжку, гдѣ лежали два чемодана, одинъ съ пистолетами, другой съ его пожитками. Мы простились еще разъ и лошади поскакали.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я вышелъ въ отставку и поселился въ небольшомъ имѣніи Н**уѣзда. Тутъ я занимался хозяйствомъ и тихонько вздыхалъ о прежней моей шумной и беззаботной жизни. У меня было мало сосѣдей, такъ что я дѣлилъ свое время между занятіями по хозяйству и смертельною скукою.

Не далеко отъ моей деревеньки лежало богатое помѣстье графини Б., въ которомъ жилъ одинъ управляющій, графиня-же посѣтила свое помѣстье только однажды, въ первый годъ своего замужества. Вдругъ разнесся слухъ, что графиня съ мужемъ пріѣдетъ на лѣто въ свою деревню. Слухъ этотъ скоро оправдался. Я этому несказанно обрадовался, потому что пріѣздъ образованныхъ сосѣдей прерывалъ хоть на время подавляющую меня скуку. Я въ первое-же воскресенье отправился къ новымъ моимъ сосѣдямъ. Графъ и графиня были любезнѣйшіе люди. Я сначала было оробѣлъ, но любезность ихъ заставила меня скоро позабыть мою одичалую застѣнчивость. Мы разговаривались по дружески.

Въ богато убранномъ кабинетѣ, въ которомъ мы сидѣли, я замѣтилъ на стѣнѣ картину, прострѣленную двумя пулями, которыя были вса-

жены одна въ другую. „Вотъ хорошій выстрѣлъ“, — сказала я, обращаясь къ графу. — „Да“, отвѣчалъ онъ — „Выстрѣлъ очень замѣчательный. А хорошо вы стрѣляете?“ продолжалъ онъ. — „Изрядно^{f)}“, отвѣчалъ я, обрадовавшись, что разговоръ коснулся наконецъ предмета мнѣ близкаго. „Въ тридцати шагахъ промаху³⁷⁾ въ карту не дамъ, разумѣется, изъ знакомыхъ пистолетовъ.“ — „Право?“ сказала графиня съ видомъ большой внимательности: „а ты, мой другъ, попадешь ли въ карту на тридцати шагахъ?“ — „Когда нибудь“, отвѣчалъ графъ, „мы попробуемъ. Въ свое время³⁸⁾, я стрѣлялъ не худо; но вотъ уже четыре года, какъ я не бралъ въ руки пистолета.“ — „О“, замѣтилъ я: въ такомъ случаѣ бьюсь объ закладъ³⁹⁾, что ваше сіятельство не попадете въ карту и въ двадцати шагахъ: пистолетъ требуетъ ежедневнаго упражненія. Это я знаю на опытъ. У насъ въ полку я считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Однажды случилось мнѣ цѣлый мѣсяцъ не брать пистолета: мои были въ починкѣ⁴⁰⁾; что же бы вы думали, ваше сіятельство? Въ первый разъ, какъ сталъ потомъ стрѣлять, я даль сряду⁴¹⁾ четыре промаха по бутылкѣ въ двадцати шагахъ. У насъ былъ ротмистръ, острякъ и забавникъ; онъ тутъ случился⁴²⁾ и сказалъ

f) Изрядно = довольно хорошо.

мнѣ: знать, у тебя, братъ, рука не поднимается на бутылку⁴³). — Нѣтъ, ваше сіятельство, не должно пренебрегать этимъ упражненіемъ, не-то⁴⁴) отвыкнешь какъ разъ. Лучшій стрѣлокъ, котораго удалось мнѣ встрѣчать, стрѣлялъ каждый день, по крайней мѣрѣ, три раза передъ обѣдомъ. Это у него было заведено, какъ рюмка водки.“ Графъ и графиня рады были, что я разговорился. „А каково стрѣлялъ онъ?“ спросилъ меня графъ. — „Да вотъ какъ, ваше сіятельство: бывало, увидить онъ, сѣла на стѣну муха... Вы смѣетесь, графиня? Ей-Богу, правда... Бывало, увидить муху и кричить: Кузька, пистолеть! — Кузька и несетъ ему заряженный пистолеть. Онъ хлопъ, и вдавить муху въ стѣну!“ — „Это удивительно!“ сказалъ графъ: „а какъ его звали?“ — „Сильвіо, ваше сіятельство.“ — „Сильвіо!“ вскричалъ графъ, вскочивъ съ своего мѣста: „вы знали Сильвіо?“ — „Какъ не знать, ваше сіятельство; мы были съ нимъ пріатели; онъ въ нашемъ полку принять былъ какъ свой братъ-товарищъ: да вотъ уже лѣтъ пять, какъ объ немъ не имѣю никакого извѣстія. Такъ и ваше сіятельство, стало быть, знали его?“ — „Зналъ, очень зналъ. Не рассказывалъ ли онъ вамъ одного очень страннаго происшествія?“ — „Не пощечина ли, ваше сія-

тельство, полученная имъ на балѣ отъ какого-то повѣсы ⁴⁵⁾?” — „А сказывалъ онъ вамъ имя этого повѣсы?” — „Нѣтъ, ваше сіятельство, не сказывалъ... Ахъ, ваше сіятельство!” продолжалъ я, догадываясь объ истинѣ: „извините... я не зналъ... ужъ не вы ли?...” — „Я самъ“, отвѣчалъ графъ, съ видомъ чрезвычайно разстроеннымъ: „а прострѣленная картина есть памятникъ послѣдней нашей встрѣчи.“ — „Ахъ, милый мой“, сказала графиня: „ради Бога, не рассказывай; мнѣ страшно будетъ слушать.“ — „Нѣтъ“, возразилъ графъ: „я все расскажу; онъ знаетъ, какъ я обидѣлъ его друга: пусть же узнаетъ, какъ Сильвіо мнѣ отомстилъ.“ — Графъ подвинулъ мнѣ кресло, и я съ живѣйшимъ любопытствомъ услышалъ слѣдующій рассказъ.

„Пять лѣтъ тому назадъ я женился. Первый мѣсяцъ, the honey-moon^{g)}, провелъ я здѣсь, въ этой деревнѣ. Этому дому обязанъ я лучшими минутами жизни и однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній.

„Однажды вечеромъ ѣздили мы вмѣстѣ верхомъ; лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась; отдала мнѣ поводья и пошла пѣшкомъ домой. Я поѣхалъ впередъ. На дворѣ

g) The honey-moon (англ.) = медовый мѣсяцъ.

увидѣлъ я дорожную телѣгу; мнѣ сказали, что у меня въ кабинетѣ сидитъ человѣкъ, не хотѣвшій объявить своего имени, но сказавшій просто, что ему до меня есть дѣло. Я вошелъ въ эту комнату и увидѣлъ въ темнотѣ человѣка, запыленного и обросшаго бородой; онъ стоялъ здѣсь у камина. Я подошелъ къ нему, стараясь припомнить его черты. „Ты не узналъ меня, графъ?“ сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — „Сильвіо!“ закричалъ я, и, признаюсь, я почувствовалъ, какъ волосы стали вдругъ на мнѣ дыбомъ ⁴⁶). — „Такъ точно“, продолжалъ онъ, „выстрѣль за мною; я пріѣхалъ разрядить мой пистолетъ; готовъ ли ты?“ Пистолетъ у него торчалъ изъ боковаго кармана. Я отмѣрилъ двѣнадцать шаговъ и сталъ тамъ въ углу, прося его выстрѣлить скорѣе, пока жена не воротилась. Онъ медлил; онъ спросилъ огня. Подали свѣчи. Я заперъ двери, не велѣлъ никому входить, и снова просилъ его выстрѣлить. Онъ вынулъ пистолетъ и прицѣлился... Я считалъ секунды... я думалъ о ней... Ужасная прошла минута! Сильвіо опустилъ руку. „Жалѣю“, сказалъ онъ: „что пистолетъ заряженъ не черешневыми косточками... пуля тяжела. Мнѣ все кажется, что у насъ не дуэль, а убійство: я не привыкъ цѣлить въ безоружнаго. Начнемъ

сызнова^{h)}); кинемъ жеребій, кому стрѣлять первому.“ Голова моя шла кругомъ... Кажется, я не соглашался... Наконецъ мы зарядили еще пистолеть; свернули два билета; онъ положилъ ихъ въ фуражку, нѣкогда мною прострѣленную; я вынулъ опять первый нумеръ. „Ты, графъ, дьявольски счастливъ“, сказалъ онъ съ усмѣшкою, которой никогда не забуду. Не понимаю, что со мною было, и какимъ образомъ могъ онъ меня къ тому принудить... но я выстрѣлилъ и попалъ вотъ въ эту картину.

„Я выстрѣлилъ“, продолжалъ графъ: „и, слава Богу, далъ промахъ; тогда Сильвіо... (въ эту минуту онъ былъ, право, ужасенъ) Сильвіо сталъ въ меня прицѣливаться. Вдругъ двери отворились. Маша вбѣгаетъ и съ визгомъ кидается мнѣ на шею. Ея присутствіе возвратило мнѣ всю бодрость. „Милая“, сказалъ я ей: „развѣ ты не видишь, что мы шутимъ? Какъ же ты перепугалась! Поди, выпей стаканъ воды и приди къ намъ; я представляю тебѣ стариннаго друга и товарища.“ Машѣ все еще не вѣрилось. Скажите, правду ли мужъ говорить?“ сказала она, обращаясь къ грозному Сильвіо: правда ли, что вы оба шутите?“ — „Онъ всегда шутитъ,

h) Сызнова = снова.

графиня“, отвѣчалъ ей Сильвіо: „однажды далъ онъ мнѣ шута пощечину, шута прострѣлилъ мнѣ вотъ эту фуражку, шута далъ сейчасъ по мнѣ промахъ; теперь и мнѣ пришла охота пошутить...“ Съ этимъ словомъ онъ хотѣлъ въ меня прицѣлиться... при ней! Маша бросилась къ его ногамъ. „Встань, Маша, стыдно!“ закричалъ я въ бѣшенствѣ: „а вы, сударь перестанете ли издѣваться надъ бѣдной женщиной? Будете ли вы стрѣлять, или нѣтъ?“ — Не буду“, отвѣчалъ Сильвіо — „я доволенъ: я видѣлъ твое смятеніе, твою робость; я заставилъ тебя выстрѣлить по мнѣ. Съ меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совѣсти.“ Тутъ онъ было вышелъ, но остановился въ дверяхъ, оглянулся на прострѣленную мною картину, выстрѣлилъ въ нее, почти не цѣлясь, и скрылся. Жена лежала въ обморокѣ; люди не смѣли его остановить и съ ужасомъ на него глядѣли; онъ вышелъ на крыльцо, кликнулъ ямщика и уѣхалъ, прежде чѣмъ успѣлъ я опомниться.“

Графъ замолчалъ. Такимъ образомъ узналъ я конецъ повѣсти, коей начало нѣкогда такъ поразило меня. Съ героемъ оной уже я не встрѣчался. Сказываютъ, что Сильвіо, во время возмущенія Александра

Ипсиланти, предводительствовалъ отрядомъ этеристовъ ^{і)} и былъ убитъ въ сраженіи подъ Скулянами.

і) Этеристы = члены тайнаго общества въ Греціи, образовавшагося въ концѣ 20-ыхъ годовъ нашего столѣтія. Цѣлью этого общества было освобожденіе Греціи отъ турецкаго владычества. Начальникомъ этеристовъ и главою возстанія 1820-аго года, которое въ 1830 году кончилось освобожденіемъ Греціи, былъ князь Александръ Ипсиланти, русскій генералъ и адъютантъ императора Александра I.

Барышня-крестьянка.

Иванъ Петровичъ Берестовъ, служившій въ молодости въ гвардіи и рано овдовѣвшій, безвыѣздно жилъ въ своемъ хорошо устроенномъ имѣніи Тугиловкѣ, усердно занимался хозяйствомъ и почиталъ себя умнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околodкѣ. Съ сосѣдями онъ жилъ въ добромъ согласіи; не ладилъ съ нимъ одинъ Григорій Ивановичъ Муромскій, ближайшій его сосѣдъ и англomанъ. Это былъ настоящій русскій баринъ, промотавшій въ Москвѣ бoльшую часть своего состоянія и поселившійся въ оставшейся у него деревнѣ, Прилучинѣ. Тутъ онъ устроилъ все на англійскій ладъ, заложилъ свое имѣніе въ опекунскій совѣтъ^{к)}, выписалъ для своей единственной дочери Лизы англичанку, миссъ Жаксонъ, и входилъ въ новые долги т. е. продолжалъ въ Прилучинѣ разоряться, только въ новомъ родѣ. Сосѣди почитали его умнымъ человѣкомъ, но осуждали за англomанію; строже всѣхъ отзывался объ немъ Иванъ Петровичъ Берестовъ. Шутки Берестова на счетъ Муром-

к) Опекунскій совѣтъ. Правительственное учрежденіе для веденія дѣлъ опеки (Vormundschaft). Такъ какъ здѣсь накопились капиталы, которые лежали безъ употребленія, то правительство разрѣшало выдавать ихъ заимообразно помѣщикамъ подъ залогъ имѣній.

скаго доводимы были до свѣдѣнія послѣдняго, вслѣдствіе чего они другъ друга не посѣщали.

Таковы были сношенія между этими двумя помѣщиками, когда сынъ Берестова, Алексѣй, пріѣхалъ къ отцу своему въ деревню. Окончивъ университетъ, Алексѣй намѣревался вступить въ военную службу; но отецъ, желая видѣть его на статской, на то не соглашался. Они другъ другу не уступали и Алексѣй жилъ покаместъ бариномъ въ имѣніи отца.

Алексѣй былъ собою хорошъ и безспорно молодецъ. Уѣздныя барышни имъ сильно интересовались; но Алексѣй мало ими занимался.

Всѣхъ болѣе занята была имъ дочь англomана моего, Лиза (или Бетси, какъ звали ее обыкновенно Григорій Ивановичъ). Она Алексѣя еще не видала, между тѣмъ, какъ всѣ молодыя сосѣдки только объ немъ и говорили. Ей было семнадцать лѣтъ. Черные глаза оживляли ея смуглое и очень пріятное лицо. Она была единственное и слѣдственно балованное дитя. Ея рѣзвость и поминутныя проказы восхищали отца и приводили въ отчаяніе миссъ Жаксонъ, сорокалѣтнюю чопорную дѣвицу, которая бѣлилась⁴⁷⁾ и сурмила⁴⁸⁾ себѣ брови.

За Лизою ходила⁴⁹⁾ Настя; она была постарше. Лиза очень любила ее, открывала ей всѣ свои тайны и вмѣстѣ съ нею обдумывала свои затѣи⁵⁰⁾.

„Позвольте мнѣ сегодня пойти въ гости,“ сказала поднажды Настя, подѣвая барышню.

— Изволь; а куда?

„Въ Тугилово, къ Берестовымъ. Поварова жена у нихъ именинница и вчера приходила звать насъ отобѣдать.“

— Вотъ! сказала Лиза, господа въ ссорѣ, а слуги другъ друга угощаютъ.

„А намъ какое дѣло до господъ!“ — возразила Настя: „къ тому же я ваша, а не папенькина. Вы вѣдь не бранились еще съ молодымъ Берестовымъ; а старики пускай себѣ дерутся, коли имъ это весело.“

— Постарайся, Настя, увидѣть Алексѣя Берестова, да Расскажи мнѣ хорошенько, каковъ онъ собою и что онъ за человѣкъ.

Настя общалась, а Лиза съ нетерпѣніемъ ожидала цѣлый день ея возвращенія. Вечеромъ Настя явилась. „Ну, Лизавета Григорьевна,“ сказала она входя въ комнату: „видѣла молодого Берестова; наглядѣлась довольно; цѣлый день были вмѣстѣ.“

— Какъ это? Расскажи, Расскажи по порядку.

„Извольте-съ: пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька...“

— Хорошо, знаю. Ну, потомъ.

„Позвольте-съ, расскажу все по порядку. Вотъ пришли мы къ самому обѣду. Комната

полна была народу. Были колбинскія, захарьевскія, прикащица съ дочерьми, хлупинскія...“

— Ну, а Берестовъ ?

„Погодите-съ. Вотъ мы сѣли за столъ, прикащица на первомъ мѣстѣ, я подлѣ нея... а дочери и надулись, да мнѣ наплевать на нихъ...⁵¹⁾“

— Ахъ, Настя, какъ ты скучна съ вѣчными своими подробностями !

Да какъ же вы нетерпѣливы !⁵²⁾ Ну вотъ вышли мы изъ за стола... а сидѣли мы часатри, и обѣдъ былъ славный ; пирожное бланманже синее, красное и полосатое... Вотъ вышли мы изъ-за стола и пошли въ садъ играть въ горѣлки⁵³⁾, а молодой баринъ тутъ и явился.“

— Ну, что жъ ? Правда ли, что онъ такъ хорошъ собою ?

„Удивительно хорошъ ; красавецъ, можно сказать. Стройный, высокій, румянецъ во всю щеку...“

— Право ? А я такъ думала, что у него лицо блѣдное. Что же ? Каковъ онъ тебѣ показался ? Печалень, задумчивъ ?

„Что вы ? Да эдакого бѣшеннаго я и съ роду¹⁾ не видывала. Вздумалъ онъ съ нами въ горѣлки бѣгать.“

¹⁾ Съ роду = отъ роду = никогда.

— Съ вами въ горѣлки бѣгать! невозможно!

„Очень возможно. Да что еще выдумалъ! Поймаетъ, и ну цѣловать!“

— Воля твоя⁵⁴), Настя, ты врешь.

„Воля ваша, не вру. Я насилу отъ него отдѣлалась⁵⁵). Цѣлый день съ нами такъ и провозился⁵⁶)“.

— Это удивительно! А что въ домѣ про него слышно?

„Баринъ, сказываютъ, прекрасный: такой добрый, такой веселый.“

— Какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть! сказала Лиза со вздохомъ.

„Да что же тутъ мудренаго?⁵⁷) Тугилово отъ насъ не далеко — всего три версты: подите гулять въ ту сторону или поѣзжайте верхомъ; вы вѣрно встрѣтите его. Онъ же всякій день, рано поутру, ходитъ съ ружьемъ на охоту.“

— Да нѣтъ, не хорошо. Отцы наши въ ссорѣ, такъ и мнѣ все же нельзя будетъ съ нимъ познакомиться... Ахъ, Настя! знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою!

„И въ самомъ дѣлѣ: надѣньте сарафанъ да и ступайте смѣло въ Тугилово; ручаюсь вамъ, что Берестовъ ужъ васъ не прозѣваетъ⁵⁸)“.

— А по здѣшнему я говорить умѣю пре-

красно. Ахъ, Настя, милая Настя! какая славная выдумка! — И Лиза легла спать съ намѣреніемъ непремѣнно исполнить веселое свое предположеніе. Уже на другой день все было готово. Лиза примѣрила сарафанъ и призналась предъ зеркаломъ, что никогда еще такъ мила самой себѣ не казалась. На другой день, ни свѣтъ ни заря⁵⁹), Лиза уже проснулась. Весь домъ еще спалъ. Лиза тихонько нарядилась крестьянкою, шопотомъ дала Настѣ свои наставленія касательно миссъ Жаксонъ, вышла на заднее крыльцо и черезъ огородъ побѣжала въ поле.

Заря сіяла на востокъ, и золотые ряды облаковъ, казалось, ожидали солнца, какъ царедворцы ожидаютъ государя; ясное небо, утрення свѣжесть, роса, вѣтерокъ и пѣніе птичекъ наполняли сердце Лизы младенческой веселостію; боясь какой нибудь знакомой встрѣчи, она, казалось, не шла, а летѣла. Приближаясь къ рощѣ, стоящей на рубежѣ отцовскаго владѣнія, Лиза пошла тише. Здѣсь она должна была ожидать Алексѣя. Веселость ея притихла. Она шла задумчиво по дорогѣ, осѣненной съ обѣихъ сторонъ высокими деревьями. Вдругъ прекрасная лгавая⁶⁰) собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. Въ то же время раздался голосъ: *tout beau, Sbogar, ici...* и молодой

охотникъ показался изъ-за кустарника. — Небось^{m)}, милая, сказалъ онъ Лизѣ: собака моя не кусается. — Лиза успѣла уже оправиться отъ испуга и умѣла тотчасъ воспользоваться обстоятельствами. „Да нѣтъ, баринъ,“ сказала она, притворяясь полуиспуганной, полужастѣнчивой: „боюсь, она вишь такая злая; опять кинется.“ — Алексѣй (читатель уже узналъ его) между тѣмъ пристально глядѣлъ на молодую крестьянку. — Я провожу тебя, если ты боишься, сказалъ онъ ей: ты мнѣ позволишь идти подлѣ себя? — „А кто те мѣшаетъ?“ отвѣчала Лиза; „вольному воля, а дорога мірская⁶¹⁾.“ — Откуда ты? „Изъ Прилучина; я дочь Василья-кузнеца, иду по грибы.“ (Лиза несла кузовокъ на веревочкѣ). „А ты, баринъ? Тугиловскій, что ли?“ — Такъ точно отвѣчалъ Алексѣй: я камердинеръ молодого барина. — Алексѣю хотѣлось уравнять ихъ отношенія. Но Лиза поглядѣла на него и засмѣялась. „А лжешь,“ сказала она: „не на дуру попалъ. Вижу, что ты самъ баринъ.“ — Почему же ты такъ думаешь? „Да по всему.“ — Однако жъ? „Да какъ же барина съ слугой не распознать⁶²⁾? И одѣтъ-то не такъ, и баишьⁿ⁾ иначе, и собаку-то кличешь не по нашему.“ „Однако,“ продолжа-

m) Небось = небойся.

n) Баишь (отъ гл. баить = говорить) = говоришь.

ла она: „болтая съ тобою, грибовъ не наберешь. Иди-ка ты, баринъ, въ сторону, а я въ другую. Прощенія просимъ...“ Лиза хотѣла удалиться; Алексѣй удержалъ ее за руку. — Какъ тебя зовутъ, душа моя? „Акулиной,“ отвѣчала Лиза, стараясь освободить свои пальцы отъ руки Алексѣевой: „да пусти жъ, баринъ, мнѣ и домой пора.“ — Ну, мой другъ Акулина, непременно буду въ гости къ твоему батюшкѣ, къ Василью-кузнецу. „Что ты?“ возразила съ живостію Лиза: „ради Христа не приходи. Коли дома узнаютъ, что я съ бариномъ въ роцѣ болтала, то мнѣ бѣда будетъ; отецъ мой, Василій-кузнецъ, прибьетъ меня до смерти.“ — Да я непременно хочу съ тобою опять видѣться. „Ну, я когда нибудь опять сюда приду за грибами.“ — Когда же? „Да хоть завтра.“ — Милая Акулина, такъ завтра, въ это время, не правда ли? „Да, да.“ — И ты не обманешь меня? „Не обману.“ — Побожись. „Ну вотъ те о) святая пятница приду.“

Молодые люди разстались. Лиза вышла изъ лѣсу, перебралась черезъ поле, прокрадлась въ садъ и опрометью побѣжала въ ферму⁶³), гдѣ Настя ожидала ее. Тамъ она переодѣлась, разсѣянно отвѣчая на вопросы

о) те = тебѣ.

нетерпѣливой наперсницы и явилась въ гостиную. Столъ былъ накрытъ, завтракъ готовъ, и миссъ Жаксонъ, уже набѣленная и зятая въ рюмочку, нарѣзывала тоненькія тартинки^{p)}. Отецъ похвалилъ ее за раннюю прогулку. „Нѣтъ ничего здоровѣе,“ сказалъ онъ: „какъ просыпаться на зарѣ. Лиза его не слушала: совѣсть начинала ее мучить. Всего болѣе беспокоило ее обѣщаніе, данное ею на завтрашній день: она совсѣмъ было рѣшилась не сдержать своей торжественной клятвы. Но Алексѣй, прождавъ еѣ напрасно, могъ идти отыскивать въ селѣ дочь Василья-кузнеца, настоящую Акулину, толстую, рябую дѣвку, и такимъ образомъ догадаться объ ея легкомысленной проказѣ. Мысль эта ужаснула Лизу, и она рѣшилась на другое утро опять явиться въ рошу Акулиной.

Съ своей стороны Алексѣй былъ въ восхищеніи; цѣлый день думалъ онъ о новой знакомкѣ. Заря едва занималась, какъ онъ уже былъ одѣтъ. Не давъ себѣ времени зарядить ружье, вышелъ онъ въ поле съ вѣрнымъ своимъ Сбогаромъ и побѣжалъ къ мѣсту обѣщаннаго свиданія. Около получаса прошло въ несносномъ для него ожиданіи; наконецъ онъ увидѣлъ межъ кустарника

p) Тартинки (отъ франц. tartine) = хлѣбъ съ масломъ.

мелькнувшій синій сарафанъ и бросился навстрѣчу милой Акулины. Она улыбнулась восторгу его благодарности; но Алексѣй тотчасъ замѣтилъ на ея лицѣ слѣды унынія и безпокойства. Онъ хотѣлъ узнать тому причину. Лиза призналась, что поступокъ ея казался ей легкомысленнымъ, что она въ немъ раскаивалась, что на сей разъ не хотѣла она не сдержать даннаго слова, но что это свиданіе будетъ уже послѣднимъ, и что она проситъ его прекратить знакомство. Все это, разумѣется, было сказано на крестьянскомъ нарѣчій⁶⁴⁾; но мысли и чувства, необыкновенныя въ простой дѣвушкѣ, поразили Алексѣя. Онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, дабы^{q)} отвратить Акулину отъ ея намѣренія; обѣщалъ повиноваться ей во всемъ, заклиналъ⁶⁵⁾ ее не лишать его одной отрады — видаться съ нею наединѣ, хотя бы черезъ день, хотя бы дважды въ недѣлю. Онъ говорилъ языкомъ истинной страсти, и въ эту минуту былъ точно влюбленъ. Лиза слушала его молча. „Дай мнѣ слово,“ сказала она наконецъ: „что ты никогда не будешь искать меня въ деревнѣ или разспрашивать обо мнѣ. Дай мнѣ слово не искать другихъ со мною свиданій, кромѣ тѣхъ, ко-

q) Дабы = чтобы.

торья я сама назначу.“ Алексѣй поклялся было ей святою пятницею, но она съ улыбкой остановила его. „Мнѣ не нужно клятвы,“ сказала Лиза: „довольно одного твоего обѣщанія.“ Послѣ того они дружески разговаривали, гуляя вмѣстѣ по лѣсу, до тѣхъ поръ, пока Лиза сказала ему: пора. Они расстались, и Алексѣй, оставшись наединѣ, не могъ понять, какимъ образомъ простая деревенская дѣвочка въ два свиданія успѣла взять надъ нимъ истинную власть.

Свиданія молодыхъ людей продолжались около двухъ мѣсяцевъ. Алексѣй безъ памяти влюбился въ свою крестьянскую дѣвушку и Лиза была не равнодушнѣе, хотя и молчаливѣе его. Оба они были счастливы и мало думали о будущемъ. Вдругъ важное происшествіе чуть было не перемѣнило ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ одно ясное, холодное утро Григорій Ивановичъ Муромскій велѣлъ осѣдлать свою куцую⁶⁷⁾ кобылку и выѣхалъ прогуляться. Подъѣзжая къ лѣсу, онъ увидѣлъ своего сосѣда, Ивана Петровича Берестова, поджидающаго на лошади зайца, котораго дворовые мальчишки выгоняли изъ лѣсу. Сосѣди учтиво другъ другу поклонились. Въ эту минуту выскочилъ заяцъ. Берестовъ закричалъ, пустилъ собакъ и погнался за зайцемъ. Лошадь Муромскаго понесла. Доскакавъ до оврага, прежде ея не замѣченнаго, лошадь вдругъ кинулась въ сторону, и Муромскій не усидѣлъ. Лошадь остановилась. Иванъ Петровичъ подскочилъ къ своему сосѣду, помогъ ему взобрать-

ся опять на лошадь и пригласилъ его къ себѣ. Отказаться было неловко, по этому Муромскій принялъ приглашеніе.

Сосѣди, завтракая, разговорились довольно дружелюбно. Муромскій попросилъ у Берестова дрожекъ, ибо признался, что отъ ушибу⁶⁸⁾ не былъ онъ въ состояніи доѣхать до дома верхомъ. Берестовъ проводилъ его до самага крыльца, а Муромскій уѣхалъ не прежде, какъ взявъ съ него честное⁶⁹⁾ слово на другой же день (и съ Алексѣемъ Ивановичемъ) пріѣхать отоѣдать по-пріятельски въ Прилучино.

Лиза выбѣжала навстрѣчу Григорью Ивановичу. „Что это значить, папа?“ сказала она съ удивленіемъ: „отчего вы хромаете? Гдѣ ваша лошадь? Чьи это дрожки?“ — Вотъ ужъ не угадаешь, my dear⁷⁾), отвѣчалъ ей Григорій Ивановичъ, и рассказалъ все, что случилось. Лиза не вѣрила своимъ ушамъ. Григорій Ивановичъ, не давъ ей опомниться, объявилъ, что завтра будутъ у него обѣдать оба Берестовы. „Что вы говорите!“ сказала она, поблѣднѣвъ. „Берестовы, отецъ и сынъ! Завтра у насъ обѣдать! Нѣтъ, папа, какъ вамъ угодно; я ни за что не покажусь.“ — Что ты, съ ума сошла? возразилъ отецъ :

7) My dear (Мэй диръ) = (по англійски) моя милая, моя дорогая.

давно ли ты стала такъ застѣнчива, или ты къ нимъ питаешь наслѣдственную ненависть, какъ романическая героиня? Полно, не дураться⁷⁰⁾... — „Нѣтъ, папа, ни за что на свѣтѣ, ни за какія сокровища не явлюсь я передъ Берестовыми.“ Григорій Ивановичъ пожалъ плечами и болѣе съ нею не спорилъ, ибо зналъ, что противорѣчіемъ съ нею ничего не возьмешь⁷¹⁾, и пошелъ отдыхать отъ своей достопримѣчательной прогулки. Однако Лизавета Григорьевна, посовѣтовавшись съ Настею, всетаки рѣшилась выйти къ гостямъ и на другой день, за завтракомъ, сказала отцу: Папа, я приму ихъ, если это вамъ угодно, только съ уговоромъ⁷²⁾, какъ бы я передъ ними ни явилась, чтобъ я ни сдѣлала, вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивленія или неудовольствія.“ — „Опять какія нибудь проказы!“ сказалъ, смѣясь, Григорій Ивановичъ. „Ну, хорошо, хорошо: согласенъ, дѣлай что хочешь черноглазая моя шалунья⁷³⁾.“ Съ этимъ словомъ онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, и Лиза побѣжала приготовляться.

Въ два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, въѣхала на дворъ и покатила^{s)} около зеленога дерноваго круга. Старый Бе-

s) Около = вокругъ.

рестовъ взошелъ на крыльцо съ помощью двухъ ливрейныхъ лакеевъ Муромскаго. Вслѣдъ за нимъ сынъ его прѣхалъ верхомъ и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ столовую, гдѣ столъ былъ уже накрытъ. Муромскій принялъ своихъ сосѣдей какъ нельзя ласковѣе, предложилъ имъ осмотрѣть передъ обѣдомъ садъ и звѣринецъ и повелъ по дорожкамъ, тщательно выметеннымъ и усыпаннымъ пескомъ. Старый Берестовъ внутренно жалѣлъ о потерянномъ трудѣ и времени на столь безполезныя прихоти⁷⁴), но молчалъ изъ вѣжливости. Сынъ его не раздѣлялъ ни неудовольствія расчетливаго помѣщика, ни восхищенія самолюбиваго англомана, но съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія хозяйской дочери, о которой много наслышался.

Возвратясь въ гостиную, они усѣлись втроемъ: старики вспомнили прежнее время и анекдоты своей службы, а Алексѣй размышлялъ о томъ, какую роль играть ему въ присутствіи Лизы. Онъ рѣшилъ, что холодная разсѣянность во всякомъ случаѣ всего приличнѣе, и вслѣдствіе сего приготовился. Дверь отворилась; онъ повернулъ голову съ такимъ равнодушіемъ, съ такою гордою небрежностію, что сердце самой закоренѣлой кокетки непременно должно было бы содрогнуться. Къ несчастію, вмѣсто Лизы,

вошла старая миссъ Жаксонъ, набѣленная, зятая, съ потупленными глазами и съ маленькимъ книксомъ, и прекрасное военное движеніе Алексѣя пропало втунѣ¹⁾). Не успѣлъ онъ снова собраться съ силами, какъ дверь опять отворилась, и на сей разъ вошла Лиза. Всѣ встали; отецъ началъ было представленіе гостей, но вдругъ остановился и поспѣшно закусилъ себѣ губы... Лиза, его смуглая Лиза, набѣлена была по уши, насурмлена пуще самой миссъ Жаксонъ; фальшивые локоны, гораздо свѣтлѣе собственныхъ ея волосъ, взбиты были какъ парикъ Людовика XIV; рукава à l'imbécille²⁾ торчали какъ фижмы³⁾ у madame de Pompadour⁴⁾); талія была перетянута какъ буква иксъ, и всѣ бриліанты ея матери сіяли на ея пальцахъ, (шеѣ и ушахъ. Алексѣй не могъ узнать свою Акулину въ этой смѣшной и блестящей барышнѣ. Отецъ его подошелъ къ ея ручкѣ, и онъ съ досадою ему послѣдовалъ; когда прикоснулся онъ къ ея бѣленькимъ пальчикамъ, ему показалось, что они дрожали. Что касается

1) Втунѣ (втуне) = даромъ, понапрасну.

2) Рукава à l'imbécille = рукава, чудовищно вздутые.

3) Фижмы (нѣм. Fischbein) = китовый усъ. Юбка на китовыхъ усахъ, которую прежде носили для болѣе пышности дамскаго наряда.

4) Madame de Pompadour, пріятельница Людовика XIV, короля французскаго.

до бѣлилъ и до сурьмы, то въ простотѣ своего сердца, признаться, онъ ихъ съ перваго взгляда не замѣтилъ, да и послѣ не подозрѣвалъ. Григорій Ивановичъ вспомнилъ свое обѣщаніе и старался не показать и вида удивленія; но шалость его дочери казалась ему такъ забавна, что онъ едва могъ удержаться.

Сѣли за столъ. Алексѣй продолжалъ играть роль разсѣяннаго и задумчиваго. Лиза жеманилась ⁷⁶⁾, говорила сквозь зубы, нараспѣвъ ⁷⁷⁾, и только по-французски. Отецъ поминутно засматривался на нее, не понимая ея цѣли, но находя все это весьма забавнымъ. Одинъ Иванъ Петровичъ былъ какъ дома: ѣлъ за двоихъ, пилъ въ свою мѣру ^{х)}, смѣялся своему смѣху ^{у)} и часть отъ часу дружелюбнѣе разговаривалъ и хохоталъ.

Наконецъ встали изъ-за стола; гости уѣхали, и Григорій Ивановичъ далъ волю смѣху и вопросамъ. „Что тебѣ вздумалось дурачить ихъ?“ спросилъ онъ Лизу. „А знаешь ли что? Бѣлилы, право, тебѣ пристали ⁷⁸⁾); не вхожу въ тайны дамскаго туалета, но на твоёмъ мѣстѣ я бы сталъ бѣлиться; разумѣется, не слишкомъ, а слегка.“ Лиза бы-

х) Пилъ въ свою мѣру = er trank sein volles Maas.

у) Смѣялся своему смѣху = er lachte, wie's ihn ankam.

ла въ восхищеніи отъ успѣха своей выдумки. Она обняла отца и общалась ему подумать о его совѣтѣ.

Читатель догадается, что на другой день утромъ Лиза не замедлила явиться въ роцѣ свиданій. „Ты былъ, баринъ, вечеръ²⁾ у нашихъ господъ?“ сказала она тотчасъ Алексѣю: „какова показалась тебѣ барышня?“ Алексѣй отвѣчалъ, что онъ ея не замѣтилъ. „Жаль,“ возразила Лиза. — А почему же спросилъ Алексѣй. „А потому, что я хотѣла бы спросить у тебя, правда ли, говорятъ...“ — Что же говорятъ? „Правда ли говорятъ, будто бы я на барышню похожа?“ — Какой вздоръ! Она передъ тобой уродъ уродомъ. „Ахъ, баринъ, грѣхъ тебѣ это говорить; барышня наша такая бѣленькая, такая щеголиха! Куда мнѣ съ нею равняться!“ Алексѣй божился ей, что она лучше всевозможныхъ бѣленькихъ барышень, и чтобъ успокоить ее совсѣмъ, началъ описывать ея госпожу такими смѣшными чертами, что Лиза хохотала отъ души. „Однако жъ,“ сказала она со вздохомъ: „хоть барышня можетъ и смѣшна, все же я передъ нею дура безграмотная,“ — И! сказалъ Алексѣй: есть о чемъ сокрушаться⁷⁹⁾! Да коли хочешь! я тот-

2) Вечоръ = вчера вечеромъ, или просто — вчера.

часъ выучу тебя грамотѣ. „А взаправду а’), сказала Лиза: „не попытаться ли и въ самомъ дѣлѣ?“ — Изволь, милая; начнемъ хоть сейчасъ. — Они сѣли. Алексѣй вынулъ изъ кармана карандашъ и записную книжку, и Акулина выучилась азбукѣ удивительно скоро. Алексѣй не могъ надивиться ея понятливости. На слѣдующее утро, она захотѣла попробовать и писать; сначала карандашъ не слушался ея, но черезъ нѣсколько минутъ она и вырисовывать буквы стала довольно порядочно. „Что за чудо!“ говорилъ Алексѣй. Въ самомъ дѣлѣ, на третьемъ урокѣ Акулина разбирала уже по складамъ ⁸⁰⁾ „Наталью Боярскую дочь б’),“ прерывая чтеніе замѣчаніями, отъ которыхъ Алексѣй истинно былъ въ изумленіи, и круглый листъ измарала афоризмами с’), выбранными изъ той же повѣсти.

Прошла недѣля, и между ними завелась переписка. Почтовая контора учреждена была въ дуплѣ стараго дуба. Настя втайнѣ исправляла должность почталіона. Туда приносилъ Алексѣй крупнымъ почеркомъ написан-

а’) Взаправду = вправду = въ самомъ дѣлѣ = подлинно.

б’) „Наталья боярская дочь“ — извѣстная въ свое время повѣсть Николая Михайловича Карамзина (род. 1 дек. 1766 г., ум. 22 мая 1826 г.)

с’) Афоризмы = краткія изрѣченія.

ныя письма и тамъ же находилъ, на синей простой бумагѣ, каракульки своеѣ любезной. Акулина видимо привыкала къ лучшему складу рѣчей, и умъ ея примѣтно развивался и образовывался.

Между тѣмъ, недавнее знакомство между Иваномъ Петровичемъ Берестовымъ и Григорьемъ Ивановичемъ Муромскимъ болѣе укрѣплялось и вскорѣ превратилось въ дружбу, вотъ по какимъ обстоятельствамъ. Муромскій нерѣдко думалъ о томъ, что, по смерти Ивана Петровича, все его имѣніе перейдетъ въ руки Алексѣю Ивановичу, что въ такомъ случаѣ Алексѣй Ивановичъ будетъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ той губерніи, и что нѣтъ ему никакой причины не жениться на Лизѣ. Старый же Берестовъ, съ своей стороны, хотя и признавалъ въ своемъ сосѣдѣ нѣкоторое сумасбродство (или, по его выраженію, англійскую дурь), однако жъ не отрицалъ въ немъ и многихъ отличныхъ достоинствъ, напримѣръ, рѣдкой оборотливости⁸¹); Григорій Ивановичъ былъ близкій родственникъ графу Пронскому, челоуѣку знатному и сильному; графъ могъ быть очень полезенъ Алексѣю, а Муромскій (такъ думалъ Иванъ Петровичъ), вѣроятно, обрадуется случаю выдать свою дочь выгоднымъ образомъ. Старики до тѣхъ поръ обду-

мывали все это каждый про себя, что наконецъ другъ съ другомъ и переговорили, обнялись, обѣщались дѣло порядкомъ обработать и принялись о немъ хлопотать каждый со своей стороны. Муромскому предстояло затрудненіе: уговорить свою Бетси познакомиться короче съ Алексѣемъ, котораго не видала она съ самаго достопамятнаго обѣда. Казалось, они другъ другу не очень нравились; по крайней мѣрѣ Алексѣй уже не возвращался въ Прилучино, а Лиза уходила въ свою комнату всякій разъ, какъ Иванъ Петровичъ удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. „Но — думалъ Григорій Ивановичъ — если Алексѣй будетъ у меня всякій день, то Бетси должна же будетъ въ него влюбиться. Это въ порядкѣ вещей. Время все сладить.“

Иванъ Петровичъ менѣе безпокоился объ успѣхѣ своихъ намѣреній. Въ тотъ же вечеръ призвалъ онъ сына въ свой кабинетъ, закурилъ трубку и, немного помолчавъ, сказалъ: „Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Или гусарскій мундиръ уже тебя не прельщаетъ?“ — Нѣтъ, батюшка, отвѣчалъ почтительно Алексѣй: я вижу, вамъ не угодно, чтобъ я шелъ въ гусары; мой долгъ вамъ повиноваться. „Хорошо,“ отвѣчалъ Иванъ Петровичъ: „вижу, что ты послушный сынъ; это мнѣ утѣ-

пительно; не хочу жъ и я тебя неволить: не понуждаю тебя вступить... тотчасъ... въ статскую службу; а покамѣстъ намѣрень я тебя женить.“

— На комъ это, батюшка? спросилъ изумленный Алексѣй.

„На Лизаветѣ Григорьевнѣ Муромской,“ отвѣчалъ Иванъ Петровичъ: „невѣста хоть куда, не правда ли?“

— Батюшка, я о женитьбѣ еще не думаю.

„Ты не думаешь, такъ я за тебя думалъ и передумалъ.“

— Воля ваша, Лиза Муромская мнѣ вовсе не нравится.

„Послѣ понравится. Стерпится — слюбится^{d)}.“

— Я не чувствую себя способнымъ сдѣлать ея счастье.

„Не твое горе, ея счастье. Что? Такъ-то ты считаешь волю родительскую? Добро!“

— Какъ вамъ угодно, я не хочу жениться и не женюсь.

„Ты жéнишься, или я тебя проклянѹ, а имѣніе — какъ Богъ святъ! — продамъ и промотаю, и тебѣ полушки^{e)} не оставлю.“

^{d)} Стерпится — слюбится = schließlich gewinnt man auch sein Kreuz lieb.

^{e)} Полѹшка = четверть копѣйки.

Даю тебѣ три дня на размышленіе, а пока-
мѣсть не смѣй на глаза мнѣ показываться.“

Алексѣй зналъ, что если отецъ забере-
теть⁸²⁾ себѣ что въ голову, то ужъ того у
него и гвоздемъ не вышибешь; но Алексѣй
былъ въ батюшку⁸³⁾, и его столь-же трудно
было переспорить. Онъ ушелъ въ свою ком-
нату и сталъ размышлять о предѣлахъ вла-
сти родительской, о Лизаветѣ Григорьевнѣ,
о торжественномъ обѣщаніи отца сдѣлать его
нищимъ и наконецъ объ Акулинѣ. Въ пер-
вый разъ видѣлъ онъ ясно, что онъ въ нее
страстно влюбленъ; романическая мысль же-
ниться на крестьянкѣ и жить своими трудами
пришла ему въ голову, и чѣмъ болѣе думалъ
онъ о семъ рѣшительномъ поступкѣ, тѣмъ
болѣе находилъ въ немъ благоразумія. Съ
нѣкотораго времени свиданія въ роцѣ были
прекращены, по причинѣ дождливой погоды.
Онъ написалъ Акулинѣ письмо самымъ чет-
кимъ почеркомъ и самымъ бѣшеннымъ сло-
гомъ, объявлялъ ей о грозящей имъ поги-
бели и тутъ-же предлагалъ ей свою руку.
Тотчасъ отнесъ онъ письмо на почту, въ
дупло, и легъ спать весьма довольный собою.

На другой день Алексѣй, твердый въ
своемъ намѣреніи, рано утромъ поѣхалъ къ
Муромскому, дабы^{f)} откровенно съ нимъ

f) Дабы = чтобы.

объясниться. Онъ надѣялся подстрекнуть его великодушіе и склонить его на свою сторону. „Дома ли Григорій Ивановичъ?“ спросилъ онъ, останавливая свою лошадь передъ крыльцомъ прилучинскаго замка. — Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ слуга: Григорій Ивановичъ съ утра изволилъ выѣхать. — „Какъ досадно!“ подумалъ Алексѣй. „Дома-ли, по крайней мѣрѣ, Лизавета Григорьевна?“ — Дома-съ. — И Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, отдалъ поводья въ руки лакею и пошелъ безъ доклада.

„Все будетъ рѣшено — думалъ онъ, подходя къ гостиной — объяснюсь съ нею самою.“ Онъ вошелъ.... и остолбенѣлъ! Лиза... нѣтъ, Акулина, милая, смуглая Акулина, не въ сарафанѣ, а въ бѣломъ утреннемъ платьицѣ, сидѣла передъ окномъ и читала его письмо; она такъ была занята, что не слыхала, какъ онъ вошелъ. Алексѣй не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотѣла убѣжать. Онъ бросился ее удерживать. „Акулина, Акулина!...“ Лиза старалась отъ него освободиться... „Mais laissez moi donc, monsieur: mais êtes-vous fou^{g)}?“ повторяла она, отворачиваясь. „Акулина!

g') Mais laissez moi donc, monsieur: mais êtes vous fou? = Да оставьте меня, сударь: вы съ ума сошли?

другъ мой Акулина!“ повторялъ онъ, цѣлуя ея руки. Въ эту минуту дверь отворилась, и Григорій Ивановичъ вошелъ.

„Ага!“ сказалъ Муромскій: „да у васъ, кажется, дѣло совсѣмъ уже слажено⁴⁸⁾...“

Читатели избавятъ меня отъ излишней обязанности описывать развязку.

Дубровскій.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ помѣстьевъ своихъ жилъ старинный русскій баринъ, Кирила Петровичъ Троекуровъ. Его богатство, знатный родъ и связи давали ему большой вѣсъ въ той губерніи, гдѣ находилось его имѣніе. Избалованный всѣмъ, что только окружало его, онъ привыкъ давать полную волю каждому порыву пылкаго своего нрава и всѣмъ затѣямъ довольно ограниченнаго ума. Сосѣди рады были угождать¹⁾ малѣйшимъ его прихотямъ; губернскіе чиновники трепетали при его имени. Кирила Петровичъ принималъ всѣ знаки подострастія²⁾, какъ надлежащую дань. Домъ его всегда былъ полонъ гостями, готовыми тѣшить его барскую праздность³⁾, раздѣляя шумныя, а иногда и буйныя его увеселенія. Никто не дерзалъ отказываться отъ его приглашеній или въ извѣстные дни не являться съ должнымъ почтеніемъ въ село Покровское.

Всѣмъ приходилось также служить жертвами его забавамъ, и только съ однимъ ближайшимъ сосѣдомъ, старымъ товарищемъ своимъ, отставнымъ поручикомъ Андреемъ Гавриловичемъ Дубовскимъ онъ обращался, какъ съ равнымъ себѣ, уважалъ его, не смотря на его бѣдность и сблизился съ нимъ на столько, что поговаривалъ даже часто о намѣреніи своемъ выдать дочь свою Машеньку за сына Дубровскаго. „Слушай, братъ Андрей Гавриловичъ“, говаривалъ онъ, „когда въ твоемъ Володькѣ будетъ путь, такъ отдамъ за него Машу, даромъ что онъ голъ, какъ соколъ.“

Нечаянный случай все разстроилъ и переѣнилъ. —

Разъ въ началѣ осени, Кирила Петровичъ собирался въ отъѣзжее поле; наканунѣ когда всѣ уже были въ сборѣ, онъ вмѣстѣ съ гостями своими пошелъ на псарный дворъ, гдѣ болѣе 500 гончихъ и борзыхъ жили въ довольствѣ и теплѣ. —

Всѣ почитали обязанностію восхищаться псарнею⁴⁾ Кирилы Петровича; одинъ Дубровскій молчалъ и хмурился; онъ былъ горячій охотникъ, но его состояніе позволяло ему держать только двухъ гончихъ⁵⁾ и одну борзую⁶⁾, и онъ не могъ удержаться отъ нѣкоторой зависти при видѣ сего великолѣпнаго заведенія. „Что же ты нахмурился, братъ“, спросилъ его Кирила Петровичъ, „или псарня моя тебѣ не нравится?“ — „Нѣтъ“, отвѣчалъ Дубровскій сурово: „псарня чудная; врядъ-ли^{а)}“

а) Врядъ-ли = едва-ли.

людямъ вашимъ житье такое, какъ вашимъ собакамъ.“ Одинъ изъ псарей обидѣлся. „Мы на свое житье“, сказалъ онъ: „благодаря Бога и барина, не жалуемся: а что правда, то правда, иному и барину, не худо бы промѣнять усадьбу свою на любую здѣшнюю конуру: ему было бы и сытнѣе и теплѣе.“ Кирила Петровичъ громко засмѣялся при дерзкомъ замѣчаніи своего холопа, а гости вслѣдъ за нимъ захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла относиться и къ нимъ. Дубровскийъ поблѣднѣлъ и не сказалъ ни слова. Въ сіе время поднесли Кирилѣ Петровичу въ лукошкѣ новорожденныхъ щенятъ⁷⁾: онъ занялся ими, выбралъ двухъ, а прочихъ велѣлъ утопить. Между тѣмъ Андрей Гавриловичъ скрылся и никто того не замѣтилъ.

Возвратясь съ гостями со псарнаго двора, Кирила Петровичъ сѣлъ ужинать, и тогда только, не видя Дубровскаго, хватился⁸⁾ его. Люди отвѣчали, что Андрей Гавриловичъ уѣхалъ домой. Троекуровъ тотчасъ велѣлъ его догнать и воротить непременно: отъ роду^{b)} не выѣзжалъ онъ на охоту безъ Дубровскаго. Слуга, поскакавшій за нимъ, воротился, когда еще сидѣли за столомъ, и доложилъ своему господину, что-де скать Андрей Гавриловичъ не по-

b) Отъ роду = никогда.

слушался и не хотѣлъ воротиться. Кирила Петровичъ, по обыкновенію своему, разгоряченный наливкою, осердился и вторично послалъ того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если онъ тотчасъ же не пріѣдетъ ночевать въ Покровское, то онъ, Троекуровъ, разсорится съ нимъ на вѣки. Слуга снова поскакалъ. Кирила Петровичъ всталъ изъ-за стола, отпустилъ гостей и отправился спать.

На другой день первый вопросъ его былъ: „здѣсь ли Андрей Гавриловичъ?“ Ему подали письмо, сложенное треугольникомъ. Кирила Петровичъ приказалъ своему писарю читать его вслухъ и услышалъ слѣдующее:

„Государь мой премилосердый!

„Я до тѣхъ поръ не намѣренъ пріѣхать въ Покровское, пока не вышлете вы мнѣ псаря Парамошку съ повинною^{с)}: а будетъ моя воля наказать его или помиловать; а я терпѣть шутокъ отъ вашихъ холопей не намѣренъ, да и отъ васъ ихъ не стерплю, потому что я не шутъ, а старинный дворянинъ. За симъ остаюсь покорный къ услугамъ

Андрей Дубровскій.“

„Какъ!“ закричалъ Троекуровъ, высылать моихъ людей къ нему съ повинною!^{с)} онъ во-

^{с)} Выслать съ повинною (головою) = просить прощенія.

лень ихъ наказывать и миловать: да что онъ въ самомъ дѣлѣ затѣялъ⁹⁾? да знаетъ ли онъ, съ кѣмъ связывается¹⁰⁾? Вотъ я жъ его! заплачется онъ у меня¹¹⁾! узнаетъ, каково идти на¹²⁾ Троекурова.“ Прошло нѣсколько дней, и вражда между двумя сосѣдями не унималась¹³⁾. Андрей Гавриловичъ не возвращался уже въ Покровское, а Кирила Петровичъ безъ него скучалъ. Новое обстоятельство уничтожило и послѣднюю надежду на примиреніе.

Дубровскій, объѣзжая однажды малое свое владѣніе, наѣхалъ на мужиковъ Троекурова, ворующихъ его лѣсъ. Схвативъ ихъ, онъ велѣлъ ихъ проучить прутьями, а лошадей ихъ приписать къ своему скоту. —

Троекуровъ, узнавъ объ этомъ, вышелъ изъ себя и хотѣлъ было уже со всѣми своими дворовыми учинить нападеніе на Кистеневку (такъ называлась деревня его сосѣда) и раззорить ее до тла; таковыя подвиги были ему не въ диковинку; но въ этотъ моментъ въ усадьбу пріѣхалъ засѣдатель¹⁴⁾ Шабашкинъ; Кирила Петровичъ увидалъ его и мысли его приняли другое направленіе; онъ велѣлъ немедленно позвать засѣдателя....

И черезъ минуту уже Шабашкинъ стоялъ предъ нимъ отвѣшивая поклонъ за поклономъ и съ благоговѣніемъ ожидая, что онъ ему скажетъ.

— Здорово.... какъ бишь тебя зовутъ¹⁵⁾? сказалъ Троекуровъ: зачѣмъ пожаловалъ?

— Я ѣхалъ въ городъ, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ Шабашкинъ: и заѣхалъ къ прикащику узнать, не будетъ ли какихъ приказаній.

— Очень кстати заѣхалъ.... какъ бишь тебя зовутъ? мнѣ до тебя нужда; выпей водки и выслушай.

Такой ласковый пріемъ пріятно изумилъ засѣдателя; онъ отказался отъ водки и сталъ слушать Кирилу Петровича со всевозможнымъ вниманіемъ.

— У меня сосѣдъ есть, сказали Троекуровъ: мелкопомѣстный грубіянь: я хочу взять у него имѣніе.... какъ ты объ этомъ думаешь?

— Ваше высокопревосходительство, имѣются ли какіе-нибудь документы?

— Врешь¹⁶⁾, братецъ.... какъ бишь тебя? какіе тутъ документы? Дѣло въ томъ, чтобы отнять имѣніе и съ документами, и безъ документовъ.

— Ваше высокопревосходительство, мудро.

— Подумай, братецъ, поищи хорошенько.

— Если бы, напримѣръ, ваше превосходительство, могли достать какимъ-нибудь образомъ отъ сосѣда записъ, въ силу которой владѣеть онъ своимъ имѣніемъ, то, конечно....

— Понимаю, да вотъ бѣда; у него всѣ бумаги сгорѣли во время пожара.

— Какъ, ваше высокопревосходительство, бумаги его сгорѣли? Чего же вамъ лучше? въ такомъ случаѣ извольте дѣйствовать по законамъ; безъ всякаго сомнѣнія, получите совершенное удовольствіе.

„Ты думаешь? Ну, смотри же, я полагаюсь на твое усердіе, а въ благодарности моей можешь быть увѣренъ.

Шабашкинъ, поклонившись почти до земли, вышелъ вонъ, съ того же дня сталъ хлопотать по замышленному дѣлу и, благодаря его проворству, ровно черезъ двѣ недѣли Дубровскій получилъ изъ города приглашеніе явиться въ судъ и представить документы, въ силу которыхъ онъ владѣеть сельцомъ Кистеневкою.

Дѣло кончилось тѣмъ, что судъ рѣшилъ тяжбу въ пользу Проекурова. Оба противника приглашены были, чтобы выслушать рѣшеніе суда, и подписать подъ нимъ свое удовольствіе или несогласіе, если пожелаютъ подать апелляцію. Когда секретарь поднесъ Дубровскому бумагу для подписанія, онъ долго стоялъ неподвижно, потупя голову.... вдругъ онъ топнулъ ногой, оттолкнулъ секретаря такъ, что тотъ упалъ, и пустилъ чернильницей въ засѣдателя; сторожа на силу овладѣли имъ.

Его отвезли въ Кистеневку и, хотя припадки сумасшествія болѣе не повторялись, но силы его замѣтно слабѣли. Онъ превратился въ ребенка,

такъ что Егоровна, добрая старуха, ходившая за его сыномъ, должна была служить ему нянькой. Видя, что старикъ очень плохъ, она рѣшила вызвать сына его изъ Петербурга.

„Государь ты нашъ, Владиміръ Андреевичъ!“ писала она. „Я твоя старая нянька, осмѣлюсь доложить тебѣ о здоровьѣ папенькиномъ. Онъ очень плохъ, иногда заговаривается^{d)} и весь день сидитъ, какъ дитя глупое — а въ животѣ^{e)} и смерти Богъ воленъ — прѣзжай ты къ намъ, соколикъ мой ясный, мы тебѣ и лошадей вышлемъ на Песочное. Слышно, земскій судъ къ намъ ѣдетъ отдать насъ подъ начальъ^{f)} Кирилъ Петровичу Троекурову — потому что мы дескать ихніе^{g)}, а мы искони^{h)} ваши — и отъ роду того не слыхивали. Ты бы могъ, живя въ Петербургѣ, доложить о томъ царю-батюшкѣ, а онъ бы не далъ насъ въ обиду¹⁷⁾. Остаюсь твоя вѣрная раба нянька Арина Егоровна Бузырева.“

Владиміръ Дубровскій служилъ корнетомъ въ гвардіи, велъ очень шумную жизнь и входилъ въ долги, не заботясь о будущемъ.

d) Заговариваться = забываться въ бесѣдѣ, по дряхлости или слабоумію, говорить не связно (Даль: Т. Сл.).

e) Животъ (народное выраженіе) = жизнь.

f) Отдать кому-либо подъ начальъ = отдать во владѣніе кого-либо.

g) Мы ихніе, т. е. мы принадлежимъ имъ.

h) Искони = издавна.

Будучи 8 лѣтъ привезенъ въ Петербургъ, онъ почти не зналъ своего отца, но тѣмъ не менѣе былъ романически къ нему привязанъ. — Узнавъ о ужасномъ его положеніи, онъ упрекалъ себя въ преступномъ небреженіи къ нему и рѣшилъ немедленно ѣхать домой. На станціи, съ которой онъ долженъ былъ своротить въ Кистеневку, его встрѣтилъ старый кучеръ Антонъ и сообщилъ, что старый баринъ еще живъ. Антонъ повезъ его просѣлочными дорогами и скоро они подъѣзжали уже къ усадьбѣ. Сердце забилося у Владиміра; 12 лѣтъ не видалъ онъ своей родины.

Березки, которыя при немъ только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращенъ былъ въ некошенный лугъ¹⁸⁾, на которомъ паслась спутанная лошадь¹⁹⁾. Собаки было залаяли, но, узнавъ Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала изъ людскихъ избъ и окружила молодого барина съ шумными изъясненіями радости. Насилу могъ онъ прорваться сквозь ихъ усердную толпу и взбѣжалъ на ветхое крыльцо; въ сѣняхъ встрѣтила его Егоровна и съ плачемъ обняла своего воспитанника. — „Здорово, здоровоⁱ⁾“, няня“, повторялъ онъ, прижимая

i) Здорово = здравствуй.

къ сердцу добрую старуху: „что батюшка, гдѣ онъ? каковъ онъ?“ Въ эту минуту въ залу вошелъ, насилу передвигая ноги, старикъ высокаго роста, блѣдный и худой, въ халатѣ и колпакѣ. „Гдѣ жъ Володька?“ сказалъ онъ слабымъ голосомъ, и Владиміръ съ жаромъ обнялъ отца своего. Радость произвела въ больномъ слишкомъ сильное потрясеніе, онъ ослабѣлъ, ноги подъ нимъ подкосились²⁰⁾, и онъ бы упалъ, если бы сынъ не поддержалъ его. „Зачѣмъ ты всталъ съ постели“, говорила ему Егоровна: „на ногахъ не стоять, а туда же поровить^{к)}), куда и люди.“ Старика отнесли въ спальню. Онъ силился разговаривать; но мысли мѣшались въ его головѣ, и слова его не имѣли никакой связи. Онъ замолчалъ и впалъ въ усыпленіе. Владиміръ пораженъ былъ его состояніемъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ своего приѣзда онъ хотѣлъ было заняться дѣлами, но здоровье Андрея Гавриловича часъ отъ часу становилось хуже и онъ не въ состояніи былъ дать сыну нужныхъ объясненій; повѣреннаго у него также не было и такимъ образомъ срокъ, положенный для подачи апелляціи былъ пропущенъ: Кистеневка принадлежала Троекурову.

Кирила Петровичъ однако не былъ доволенъ. Отъ природы не былъ онъ корысто-

к) Норовить = идетъ, направляется.

любивъ; желаніе мести завлелко его слишкомъ далеко; совѣсть его роптала. Онъ зналъ, въ какомъ состояніи находился его противникъ, старый товарищъ его молодости, и побѣда не радовала его сердца.

Наконецъ онъ велѣлъ запрячь себѣ бѣговыя дрожки, одѣлся потеплѣе (это было уже въ концѣ сентября) и, самъ правя, выѣхалъ со двора.

Онъ рѣшился помириться съ старымъ своимъ сосѣдомъ, уничтожить и слѣды ссоры — возвратить ему его достояніе. Облегчивъ душу симъ благимъ намѣреніемъ, Кирила Петровичъ пустился рысью къ усадьбѣ своего сосѣда — и въѣхалъ прямо на дворъ.

Въ это время больной сидѣлъ въ спальнѣ у окна. Онъ узналъ Кирилу Петровича — и ужасное смятеніе изобразилось на лицѣ его: багровый румянецъ заступилъ мѣсто обыкновенной блѣдности, глаза засверкали, онъ произнесъ невнятные звуки. Сынъ его, сидѣвшій тутъ за хозяйственными книгами, поднялъ голову и пораженъ былъ его состояніемъ. Больной указывалъ пальцемъ на дворъ, съ видомъ ужаса и гнѣва. Онъ торопился подбирать полы своего халата, собираясь встать съ кресель, приподнялся — и вдругъ упалъ. Сынъ бросился къ нему; старикъ лежалъ безъ чувствъ, безъ дыханія: параличъ

его ударилъ²¹⁾. „Скорѣй, скорѣй въ городъ, за лекаремъ!“ кричалъ Владимірь. — „Кирила Петровичъ спрашиваетъ васъ“, сказалъ вошедшій слуга. Владимірь бросилъ на него ужасный взглядъ. „Скажи Кирилѣ Петровичу, чтобъ онъ скорѣе убирался, пока я не велѣлъ его выгнать со двора.... пошелъ!“ Слуга радостно побѣждалъ исполнить приказаніе своего барина. Егоровна всплеснула руками. „Батюшка ты нашъ“ сказала она пискливымъ голосомъ, „погубишь ты свою головушку! Кирила Петровичъ съѣстъ¹⁾ насъ.“ — „Молчи, няня“. сказалъ съ сердцемъ²²⁾ Владимірь. „Сейчасъ пошли Антона въ городъ за лекаремъ.“ Егоровна вышла. Въ передней никого не было: всѣ люди сбѣжались на дворъ смотрѣть на Кирилу Петровича. Они вышли на крыльцо, и слышали отвѣтъ слуги отъ имени молодаго барина. Кирила Петровичъ выслушалъ его, сидя на дрожкахъ. Лицо его стало мрачнѣе ночи; онъ съ презрѣніемъ улыбнулся, грозно взглянулъ на дворню и поѣхалъ шагомъ около двора. Онъ взглянулъ и въ окошко, гдѣ за минуту передъ симъ сидѣлъ Андрей Гавриловичъ, но гдѣ ужъ его не было. Няня стояла на крыльцѣ, забывъ о приказаніи барина.

1) К. П. съѣстъ насъ = погубитъ насъ.

Дворня съ шумомъ толковала о семъ происшествіи. Вдругъ Владиміръ явился между людьми и отрывисто сказалъ: „не надобно лекаря — батюшка скончался.“

Сдѣлалось смятеніе. Люди бросились въ комнату стараго барина. Онъ лежалъ въ креслахъ, на которыя перенесъ его Владиміръ; правая рука его висѣла до полу, голова спущена была на грудь, не было уже и признака жизни въ семъ тѣлѣ, еще не охладѣломъ, но уже обезображенномъ кончиною. Егоровна взвыла, слуги окружили трупъ, оставленный на ихъ попеченіе — обмыли его, одѣли въ мундиръ, сшитый еще въ 1797 году, и положили на тотъ самый столъ, на которомъ столько лѣтъ они служили своему господину.

Похороны совершились на третій день. Владиміръ и трое слугъ понесли гробъ на кладбище, въ сопровожденіи всей деревни. Гробъ опустили въ могилу, всѣ присутствующіе бросили въ нее по горсти песку, яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владиміръ поспѣшно удалился, всѣхъ опередилъ и скрылся въ кистеневскую рощу.

Цѣлый день онъ блуждалъ по незнакомому лѣсу, стараясь усталостью заглушить душевную скорбь, и только къ вечеру вышелъ опять на тропинку, которая привела его къ дому.

Тутъ увидѣлъ онъ множество народу; крестьяне и дворовые люди толпились на барскомъ дворѣ. Издали слышалъ Владиміръ необыкновенный шумъ и говоръ. У сарая стояли двѣ тройки. На крыльцѣ нѣсколько незнакомыхъ людей, въ мундирныхъ сюртукахъ, казалось, о чемъ-то толковали. „Что это значитъ?“ спросилъ онъ сердито у Антона, который бѣжалъ ему навстрѣчу: „это кто такіе, и что имъ надобно?“ — „Ахъ, батюшка Владиміръ Андреевичъ“, отвѣчалъ Антонъ, запыхавшись: „судь пріѣхалъ. Отдаютъ насъ Троекурову, отымаютъ^{т)} насъ отъ твоей милости!....“

Владиміръ потупилъ голову; люди его окружили несчастнаго своего господина. „Отецъ ты нашъ“, кричали они, цѣлуя ему руки: не хотимъ другаго барина, кромѣ тебя; умремъ, а тебя не выдадимъ.“ Владиміръ смотрѣлъ на нихъ, и мрачныя чувства волновали его. „Стойте смирно“, сказалъ онъ имъ: „а я переговорю съ приказными.“ — „Переговори, батюшка“, закричали ему изъ толпы: „да усовѣсти²³⁾ окаянныхъ.“ Владиміръ подошелъ къ чиновникамъ. „Позвольте узнать, что это значитъ?“ спросилъ онъ съ притворнымъ хладнокровіемъ у исправника. —

^{т)} Отымаютъ (народное выраженіе) вмѣсто: отнимаютъ.

„А это то значить“, отвѣчалъ замысловатый чиновникъ: „что мы пріѣхали вводить во владѣніе сего Кирилу Петровича Троекурова и просить иныхъ прочихъ убираться по добру, по здорову²⁴⁾.“

— Но вы могли бы, кажется, отнестись ко мнѣ, прежде нежели къ моимъ крестьянамъ, и объявить помѣщику отрѣшеніе отъ власти....

— Бывшій помѣщикъ Андрей Гавриловъ сынъ Дубровскій волею Божіею помер^{н)}), а ты кто такой? сказалъ Шабашкинъ съ дерзкимъ взоромъ: мы васъ не знаемъ, да и знать не хотимъ.

— Ваше благородіе, это нашъ молодой баринъ, сказалъ голосъ изъ толпы.

— Кто тамъ смѣлъ ротъ разинуть, сказалъ грозно исправникъ: какой баринъ? Баринъ вашъ Кирила Петровичъ Троекуровъ.... слышите ли, олухи?

— Какъ не такъ²⁵⁾! сказалъ тотъ же голосъ.

— Да это бунтъ! закричалъ исправникъ. Гей, староста, сюда! —

Староста выступилъ впередъ.

— Отыщи сей же часъ, кто смѣлъ со мною разговаривать; я его!....

н) Померé (слав. форма) = померъ.

Староста обратился въ толпу, спрашивая, кто говорилъ. Но всѣ молчали. Вскорѣ въ заднихъ рядахъ поднялся ропотъ, сталъ усиливаться и въ одну минуту превратился въ ужаснѣйшіе вопли. Исправникъ понизилъ голосъ и хотѣлъ было ихъ уговаривать.... „Да что на него смотрѣть“, закричали дворовые: „ребята, бери его!“ и толпа двинулась. Шабашкинъ и члены земскаго суда бросились въ сѣни и заперли за собою дверь. „Ребята, принимай²⁶⁾“ закричалъ тотъ же голосъ, и толпа стала напирать. „Стойте!“ крикнулъ Дубровскій: „дураки! что вы? Губите и себя, и меня: ступайте по дворахъ, и оставьте меня въ покоѣ. Не бойтесь, государь милостивъ: я буду просить его — онъ насъ не обидитъ — мы всѣ его дѣти; а какъ ему за васъ будетъ заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать?“

Рѣчь молодого Дубровскаго, его звучный голосъ и величественный видъ произвели желаемое дѣйствіе. Народъ утихъ и разошелся; дворъ опустѣлъ, члены сидѣли въ избѣ. Владиміръ печально вышелъ на крыльцо. Шабашкинъ отперъ дверь и съ униженными поклонами сталъ благодарить Дубровскаго за его милостивое заступленіе.

Владиміръ слушалъ его съ презрѣніемъ и ничего не отвѣчалъ. „Мы рѣшили“, продолжалъ засѣдатель: съ вашего дозволенія

остаться здѣсь ночевать; а то уже темно, и ваши мужики могутъ напасть на насъ на дорогѣ. Сдѣлайте такую милость, прикажите постлатъ намъ хоть сѣна въ гостиной; чѣмъ свѣтъ²⁷⁾, мы отправимся восвояси²⁸⁾.

— Дѣлайте, что хотите, отвѣчалъ имъ сухо Дубровскій: я здѣсь уже не хозяинъ.

Съ этимъ словомъ онъ удалился въ комнату отца своего и заперъ за собою дверь. „И такъ, все кончено!“ сказалъ Владиміръ самъ себѣ: „еще утромъ имѣлъ я уголь и кусокъ хлѣба; завтра долженъ буду оставить домъ, гдѣ я родился. Мой отецъ — земля, гдѣ онъ покойся, будутъ принадлежать ненавистному человѣку, виновнику его смерти и моей нищеты!...“ Владиміръ стиснулъ зубы; страшныя мысли рождались въ умѣ его. Голоса подъячихъ доходили до него; они хозяйничали, требовали то того, то другаго, и неприятно развлекали его среди печальныхъ его размышленій. Наконецъ все утихло.

Владиміръ занялся разборомъ бумагъ покойнаго и до вечера перечитывалъ съ сильнымъ движеніемъ чувства найденныя имъ письма матери. Погруженный душой въ открывшійся ему тутъ міръ семейнаго счастья, онъ не замѣтилъ, какъ прошло время: стѣнные часы пробили одиннадцать.

Владиміръ положилъ письма въ карманъ, взялъ свѣчу и вышелъ изъ кабинета. Въ залѣ

Юрьевской Г-5

БИБЛИОТЕКА

приказные спали на полу. На столѣ стояли стаканы, ими опорожненные, и сильный духъ рому слышенъ^{о)} по всей комнатѣ. Владиміръ съ отвращеніемъ прошелъ мимо ихъ въ переднюю. Тамъ было темно. Кто-то, увидя свѣтъ, бросился въ уголъ. Обратясь къ нему со свѣчою, Владиміръ узналъ Архипа-кузнеца.

— Послушай, Архипъ, сказалъ онъ, засвѣти-ка фонарь да ступай за мною.

Архипъ взялъ свѣчку изъ рукъ барина, отыскалъ за печкою фонарь, засвѣтилъ его, и оба тихо сошли съ крыльца и пошли около двора.

Два человѣка приблизились къ нему; они его окликали. Дубровскій узналъ голосъ Антона и камердинера своего Гриши. — „Зачѣмъ вы не спите?“ — спросилъ онъ ихъ. — „До сна ли намъ“, отвѣчалъ Антонъ: „до чего мы дожили²⁹⁾“, кто бы подумалъ....“

— Тише, прервалъ Дубровскій: гдѣ Егоровна?

— Въ барскомъ домѣ, въ своей свѣтелкѣ, отвѣчалъ Гриша.

— Поди, приведи ее сюда да выведи изъ дому всѣхъ нашихъ людей, чтобъ ни одной души въ немъ не оставалось, кромѣ приказныхъ; а ты, Антонъ, запряги телѣгу.

о) Сильный духъ рому слышенъ (былъ) = слышался; сильно несло ромомъ.

Гриша ушелъ. Черезъ минуту онъ явился съ своею матерью. Старуха не раздѣвалась въ эту ночь; кромѣ приказныхъ, никто не смыкалъ гла́за.

— Всѣ ли здѣсь? спросилъ Дубровскій: не осталось ли кого въ домѣ?

— Никого, кромѣ подъячихъ, отвѣчалъ Гриша.

— Давайте сюда сѣна или соломы, сказалъ Дубровскій.

Люди побѣжали въ конюшню и возвратились назадъ съ охапками³⁰⁾ сѣна.

— Подложите подъ крыльцо, вотъ такъ. Ну, ребята, огню.

Архипъ открылъ фонарь, Дубровскій зажегъ лучину.

— Постой, сказалъ онъ Архипу: кажется въ торопяхъ³¹⁾ я заперъ двери въ переднюю; поди скорѣе, отопри ихъ.

Архипъ побѣжалъ въ сѣни, двери были отперты. Архипъ заперъ ихъ на ключъ, примолвя вполголоса: *какъ не такъ, отопри*; — и возвратился къ Дубровскому.

Дубровскій приблизилъ лучину, сѣно вспыхнуло, пламя взвилось и освѣтило весь дворъ.

— Ахти! закричала жалобно Егоровна: Владиміръ Андреевичъ, что ты дѣлаешь!

— Молчи! сказалъ Дубровскій. Ну, дѣти,

прощайте; иду, куда Богъ поведетъ; будьте счастливы съ новымъ вашимъ господиномъ.

— Отецъ ты нашъ, кормилецъ, закричали люди, умремъ — не оставимъ тебя, идемъ съ тобою.

Лошади были поданы. Дубровскій сѣлъ съ Гришею въ телѣгу; Антонъ ударилъ по лошадямъ, и они выѣхали со двора.

Въ одну минуту пламя обхватило весь домъ. Полы затрепали, посыпались; пылающія бревна стали падать, красный дымъ вился надъ кровлею; раздался жалобный вопль и крики: „помогите! помогите!“ — „Какъ не такъ“, сказалъ Архипъ, съ злобной улыбкой взирающій на пожаръ. — „Архипушка“, говорила ему Егоровна: „спаси ихъ окаянныхъ, Богъ тебя наградить.“ — „Какъ не такъ“, отвѣчалъ кузнецъ. Въ сію минуту приказные показались въ окна, стараясь выломить двойныя рамы. Но тутъ кровля съ трескомъ обрушилась — и вопли утихли.

Вскорѣ вся дворня высыпала на дворъ. Бабы съ крикомъ спѣшили спасти свою рухлядь, ребятишки прыгали, любуясь на пожаръ. Искры полетѣли огненной метелью, избы загорѣлись. „Теперь все ладно^{р)}!“ сказалъ Архипъ: „какого горить, а? Чай, изъ

р) Теперь все ладно = теперь все хорошо.

Покровскаго славно смотрѣть.“ Въ сію минуту новое явленіе привлекло его вниманіе: кошка бѣгала по кровлѣ пылающаго сарая, не доразумѣвъ, куда спрыгнуть. Со всѣхъ сторонъ окружало ее пламя. Бѣдное животное жалкимъ мяуканьемъ призывало на помощь; мальчишки помирали со смѣху, смотря на ея отчаяніе. „Чему смѣтесъ, бѣсенята“, сказалъ сердито кузнецъ; „Бога вы не боитесь: божія тварь погибаетъ, а вы сдуру радуетесь“; и, поставя лѣстницу на загорѣвшуюся кровлю, онъ полѣзъ за кошкою; она поняла его намѣреніе и съ видомъ торопливой благодарности ущѣпилась за его рукавъ. Полубогорѣлый кузнецъ съ своей добычей полѣзъ внизъ. „Ну, ребята, прощайте, сказалъ онъ смущенной дворнѣ: „мнѣ здѣсь дѣлать нечего, счастливо оставаться, не поминайте меня лихомъ^{q)}).

Вѣсть о пожарѣ разнеслась на другой-же день по всему околотку и на Дубровскомъ лежали сильныя подозрѣнія; скоро появились разбойники, которые разѣзжали по всей губерніи и безнаказанно грабили и жгли помѣщичьи усадьбы. — Всѣ были увѣрены, что начальникъ шайки, о которомъ рассказывали чудеса и который отличался какимъ-то великодушіемъ, никто иной, какъ Дубровскій. — Удивлялись только одному:

q) Лихомъ = зломъ.

помѣстья Проекурова были до сихъ поръ пощажены. —

Между тѣмъ наступилъ день храмоваго праздника въ селѣ Троекурова.

Но прежде, нежели приступимъ къ описанію дальнѣйшихъ происшествій, мы должны познать читателя съ нѣкоторыми новыми лицами нашей повѣсти.

Кромѣ любимой дочки Маши, которой теперь минуло 17 лѣтъ, у Кирилы Петровича былъ еще пріемный сынъ Саша, для котораго онъ выписалъ француза-учителя.

Учитель этотъ прибылъ въ Покровское во время происшествій, нами теперь описываемыхъ, и былъ принятъ довольно хорошо, благодаря рекомендательному письму, полученному имъ отъ одного изъ родственниковъ Кирилы Петровича. Первое время на него никто не обращалъ никакого вниманія; менѣе всѣхъ, воспитанная въ аристократическихъ предразсудкахъ, Маша. — Но вскорѣ она неожиданнымъ образомъ получила объ учителѣ совершенно новое понятіе.

Одной изъ любимѣйшихъ шутокъ Кирилы Петровича было запереть гостя своего въ одну комнату съ проголодавшимся медвѣдемъ, который привязанъ былъ веревкой къ стѣнѣ такъ, что только одинъ уголъ комнаты былъ безопасенъ отъ его нападеній; и въ этомъ-то углу несчастный гость принужденъ былъ иногда стоять часа по три и видѣть, какъ разъяренный звѣрь въ двухъ шагахъ отъ него прыгалъ, ревелъ и рвался, силась до него дотянуться.

Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда учителя, Троекуровъ вспомнилъ о немъ и вознамѣ-

рился угостить его въ медвѣжьей комнатѣ. Но Дефоржъ (такъ звали француза), будучи неожиданно втолкнутъ въ комнату и оставшись наединѣ съ медвѣдемъ, не смутился и ждалъ нападенія; медвѣдь приблизился; Дефоржъ вынулъ изъ кармана маленькій пистолетъ, вложилъ его въ уху голодному звѣрю и выстрѣлилъ — медвѣдь повалился. — Кирила Петровичъ былъ изумленъ развязкой своей шутки и требовалъ непремѣнно объясненія, кто предварилъ Дефоржа о шуткѣ, ему приготовленной, и зачѣмъ у него въ карманѣ былъ приготовленный пистолетъ?

Маша должна была перевести Дефоржу вопросы отца: „Я не слыхивалъ о медвѣдѣ, отвѣчалъ онъ, но всегда ношу при себѣ пистолеты, потому что не намѣренъ терпѣть обиду, за которую, по моему званію, не могу требовать удовлетворенія.“

Кирила Петровичъ ничего не отвѣтилъ, съ этой минуты онъ полюбилъ Дефоржа; но еще бѣльшее впечатлѣніе произвелъ этотъ случай на Марью Кириловну; она узнала храбрость и гордое самолюбіе молодаго учителя и начала оказывать ему уваженіе, которое часъ отъ часу становилось внимательнѣе. Между ними основались нѣкоторыя сношенія; Маша имѣла прекрасный голосъ и Дефоржъ вызвался давать ей уроки. — Мало по малу Маша, сама того не подозрѣвая, полюбила Дефоржа.

Въ день праздника въ Покровскомъ собралось множество гостей: послѣ обѣдни всѣ отправились обѣдать къ Кирилѣ Петровичу. Въ залѣ накрытъ былъ уже столъ на 80 приборовъ; хозяинъ первый пошелъ садиться, за нимъ дви-

нулись дамы, соблюдая нѣкоторое старшинство, противъ нихъ помѣстились мужчины; на концѣ стола сѣлъ учитель подлѣ маленькаго Саши.

Звонъ тарелокъ и ложекъ слился съ шумнымъ разговоромъ гостей. Кирила Петровичъ весело обозрѣвалъ свою трапезу и вполне наслаждался счастіемъ хлѣбосола. Въ это время въѣхала на дворъ коляска, запряженная шестью лошадьми. „Это кто?“ спросилъ хозяинъ. — „Антонъ Пафнutyичъ!“ отвѣчали нѣсколько человекъ. Двери открылись и — Антонъ Пафнutyичъ Спицынъ, толстый мужчина, лѣтъ 50-ти, съ круглымъ и рябымъ лицомъ, украшеннымъ тройнымъ подбородкомъ ввалился въ столовую, кланаясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться. „Приборъ сюда!“ закричалъ Кирила Петровичъ: „милости просимъ, Антонъ Пафнutyичъ, садись да скажи намъ, что это значить: не былъ у моей обѣдни и къ обѣду опоздалъ? Это на тебя не похоже: ты и богомоленъ, и покушать любишь.“ — „Виноватъ“, отвѣчалъ Антонъ Пафнutyичъ, привязывая салфетку въ петлицу гороховаго кафтана: „виноватъ, батюшка Кирила Петровичъ, я было рано пустился въ дорогу, да не успѣлъ отъѣхать и десяти верстъ, вдругъ шина у передняго колеса пополамъ“) — что прикажешь! Къ сча-

р) Шина пополамъ, т. е. разломалась пополамъ.

стію, не далеко было отъ деревни; пока до нея дотащились, да отыскали кузнеца, да все кое-какъ уладили, прошло ровно три часа — дѣлать было нечего: ѣхать ближнимъ путемъ черезъ Кистеневкій лѣсъ я не осмѣлился и пустился въ объѣздъ³²).“ — „Эге!“ прервалъ Кирила Петровичъ: да ты, знать, не изъ храбраго десятка³³): чего ты боишься?“ — „Какъ, чего боюсь, батюшка Кирила Петровичъ, а Дубровскаго-то: того и гляди³⁴), попадешься ему въ лапы. Онъ малый не промахъ³⁵), никому не спустить, а съ меня, пожалуй, и двѣ шкуры сдереть.“ — „За что жъ, братъ, такое отличіе?“ — „Какъ за что, батюшка Кирила Петровичъ, а за тяжбу-то покойника Андрея Гавриловича. Не я ли, въ удовольствіе ваше, т. е. по совѣсти и по справедливости показалъ³⁶), что Дубровскіе владѣютъ Кистеневкою безъ всякаго на то права, а единственно по снисхожденію вашему, и покойникъ (царство ему небесное³⁷)!) обѣщаль со мною посвойски перевѣдаться³⁸), а сынокъ, пожалуй, сдержитъ слово батюшкино. Доселѣ Богъ миловалъ: всего на-все разграбили у меня одинъ амбаръ, да того и гляди до усадьбы доберутся.“ — „А въ усадьбѣ-то будетъ имъ раздолье“, замѣтилъ Кирила Петровичъ: „я чай⁸)“, красная шка-

8) Я чай (я чаю) = я думаю.

тулочка полнымъ-полна¹⁾). “ — „Худо, батюшка Кирила Петровичъ: была полна, а нынче совсѣмъ опустѣла!“ — „Полно врать, Антонъ Пафнутычъ. Знаемъ мы васъ: куда тебѣ тратить? дома живешь свинья свиньей, никого не принимаешь, своихъ мужиковъ обдираешь — знай копишь, да и только.“ — „Вы все изволите шутить, батюшка Кирила Петровичъ“, пробормоталъ Антонъ Пафнутычъ, улыбаясь: „а мы, ей-Богу, разорились“; и Антонъ Пафнутычъ сталъ заѣдать барскую шутку хозяина жирнымъ кускомъ кулебяки³⁹⁾. Кирила Петровичъ оставилъ его и обратился къ новому исправнику, въ первый разъ къ нему въ гости пріѣхавшему и сидящему на другомъ концѣ стола, подлѣ учителя.

— Ну-ка, господинъ исправникъ, докажи намъ свое удалство: поймай намъ Дубровскаго.

Исправникъ струсилъ, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнесъ наконецъ: „постараемся, ваше превосходительство.“

— Гм! постараемся. Давно стараетесь, а проку все-таки нѣтъ⁴⁰⁾. —

— Сущя правда, ваше превосходительство, отвѣчалъ совершенно смутившійся исправникъ.

1) Полнымъ-полна — совсѣмъ полна.

Гости захохотали.

— Люблю молодца за искренность, сказалъ Кирила Петровичъ....

— Я помню Дубровскаго ребенкомъ; тогда былъ онъ кудрявый, бѣлокуренькій мальчикъ; знаю также, что Дубровскій пятью годами старше моей Маши, и что, слѣдственно, ему около двадцати трехъ лѣтъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство, провозгласилъ исправникъ: у меня въ карманѣ и примѣты⁴¹⁾ Владиміра Дубровскаго. Въ нихъ точно сказано, что ему отъ роду двадцать третій годъ.

— А! сказалъ Кирила Петровичъ: кстати⁴²⁾, прочтите-ка, а мы послушаемъ: не худо намъ знать его примѣты, авось въ глаза попадетсѣ⁴³⁾ такъ не вырветсѣ.

Исправникъ вынулъ изъ кармана довольно замаранный листъ бумаги, развернулъ его съ важностью и сталъ читать на-распѣвъ:

„Примѣты Дубровскаго, составленныя по сказкамъ⁴⁴⁾ бывшихъ его дворовыхъ людей;

„Отъ роду 24 года, *роста* средняго, *лицомъ* чистъ, *бороду* брѣветъ, *глаза* имѣетъ каріе, *волосы* русые, *нось* прямой. Примѣты⁴⁴⁾ особыя: таковыхъ не оказалось.“

— И только⁴⁵⁾? сказалъ Кирила Петровичъ.

⁴⁴⁾ Сказка = показаніе (передъ судомъ).

— Только, отвѣчалъ исправникъ, складывая бумагу.

— Поздравляю, г-нъ исправникъ. Ай да бумага. По этимъ примѣтамъ не мудрено будетъ вамъ отыскать Дубровскаго! Да кто же не средняго роста, у кого не русые волосы, не прямой носъ, да не каріе глаза. Бьюсь объ закладъ⁴⁶): три часа сряду будешь говорить съ самимъ Дубровскимъ, а не догадаешься, съ кѣмъ Богъ тебя свелъ.

Исправникъ смиренно положилъ въ карманъ свою бумагу и молча принялся за гуся съ капустой.

Вечеромъ начался балъ и молодежь веселилась до полуночи; учитель въ танцахъ отличался между всѣми.

Всѣ барышни выбирали его и находили, что съ нимъ очень ловко вальсировать. Нѣсколько разъ кружился онъ съ Марьей Кириловною, и барышни насмѣшливо за ними примѣчали. Наконецъ, около полуночи, усталый хозяинъ прекратилъ танцы и приказалъ давать ужинать, а самъ отправился спать.

Отсутствіе Кирилы Петровича придавало обществу болѣе свободы и живости....

Одинъ только человѣкъ не участвовалъ въ общей радости. Антонъ Пафнутычъ сидѣлъ пасмуренъ и молчаливъ на своемъ мѣстѣ, вѣлъ разсѣянно и казался чрезвычайно без-

покоенъ. Разговоры разбойническіе взволновали его воображеніе. Мы скоро увидимъ, что онъ имѣлъ достаточную причину ихъ опасаться.

Антонъ Пафнutyчъ, призывая Господа въ свидѣтели въ томъ, что красная шкатулка точно была пуста, не лгалъ и не согрѣшилъ: красная шкатулка точно была пуста; нѣкогда въ ней хранившіяся ассигнаціи перешли въ кожаную суму, которую носилъ онъ на груди. Сею только предосторожностью успокоивалъ онъ свою недовѣрчивость ко всѣмъ и вѣчную боязнь. Будучи принужденъ остаться ночевать въ чужомъ домѣ, онъ боялся, чтобъ не отвели ему ночлега гдѣ-нибудь въ уединенной комнатѣ, куда легко могли забраться воры: онъ искалъ глазами надежнаго товарища, и выбралъ, наконецъ, Дефоржа. Когда встали изъ-за стола, Антонъ Пафнutyчъ сталъ вертѣться около молодаго француза, побрякивая и откашливаясь, и наконецъ обратился къ нему съ изъясненіемъ.

— Гм! Гм! нельзя ли, мусье, переночевать мнѣ въ вашей комнатѣ, потому что, изволишь видѣть....“

— *Que désire monsieur*^{v)}? спросилъ Дефоржъ, учтиво ему поклонившись.

^{v)} *Que désire monsieur?* = что вамъ угодно, милостивый государь?

„Эхъ, бѣда! ты, мусье, по-русски еще не выучился. Же ве, муа, ше ву куше, понимаешь ли?

— Monsieur! vous n'avez qu'à ordonner^{w)}, отвѣчалъ Дефоржъ.

Антонъ Пафнutyичъ, очень довольный своими свѣдѣніями во французскомъ языкѣ, пошелъ тотчасъ распоряжаться.

Гости стали прощаться между собою, и каждый отправился въ комнату, ему назначенную; а Антонъ Пафнutyичъ пошелъ съ учителемъ во флигель⁴⁷⁾. Ночь была темная. Дефоржъ освѣщалъ дорогу фонаремъ: Антонъ Пафнutyичъ шелъ за нимъ довольно бодро, прижимая изрѣдка къ груди потаенную суму, дабы удостовѣриться, что деньги его еще при немъ.

Пришедъ во флигель, учитель засвѣтилъ свѣчу, и оба стали раздѣваться; между тѣмъ Антонъ Пафнutyичъ похаживалъ по комнатѣ, осматривая замки и окна, и качая головою при семъ неутѣшительномъ осмотрѣ. Двери запирались одною задвижкой, окна не имѣли еще двойныхъ рамъ. — Онъ попытался было жаловаться Дефоржу; но знанія его въ французскомъ языкѣ были слишкомъ ограничены

^{w)} Monsieur! vous n'avez qu'à ordonner! = милостивый государь, жду только вашихъ приказаній! (готовъ къ услугамъ!)

для столь сложнаго объясненія. Французъ его не понялъ, и Антонъ Пафнutyичъ принужденъ былъ оставить свои жалобы. Постели ихъ стояли одна противъ другой; оба легли, и учитель потушилъ свѣчу. —

— Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше! закричалъ Антонъ Пафнutyичъ, спрягая съ грѣхомъ пополамъ⁴⁸⁾ русскій глаголъ „тушу“ на французскій ладъ. — Я не могу dormire^{х)} въ потѣмкахъ⁴⁹⁾.

Дефоржъ не понялъ его восклицанія и пожелалъ ему доброй ночи.

— Проклятый басурманъ⁵⁰⁾, проворчалъ Спицынъ, закутываясь въ одѣяло. Нужно ему было свѣчу тушить. Ему же хуже. Я спать не могу безъ огня. Мусье, мусье! продолжалъ онъ: же ве авекъ ву парле^{у)}.

Но Французъ не отвѣчалъ и вскорѣ захрапѣлъ. —

— Хранить, бестія, французъ — подумалъ Антонъ Пафнutyичъ — а мнѣ такъ и сонъ въ умъ нейдетъ⁵¹⁾: того и гляди, воры войдутъ въ открытыя двери или влезутъ въ окно, а его бестію и пушками не добудисься. Мусье! а мусье! дьяволъ тебя поberi!

х) Dormir = dormir = спать.

у) Неправильно сказано. Правильно было бы: je veux vous parler = я хочу съ вами говорить.

Антонъ Пафнutyчъ замолчалъ, усталость и винныя пары мало по малу превозмогли его боязливость; онъ сталъ дремать, и вскорѣ глубокий сонъ овладѣлъ имъ совершенно.

Странное готовилось ему пробужденіе. Онъ чувствовалъ сквозь сонъ, что кто-то тихонько дѣргалъ его за воротъ рубашки. Антонъ Пафнutyчъ открылъ глаза и, при блѣдномъ свѣтѣ осенняго утра, увидѣлъ предъ собою Дефоржа: французъ въ одной рукѣ держалъ карманный пистолетъ, а другою отстѣгивалъ завѣтную⁵²⁾ суму. Антонъ Пафнutyчъ обмеръ. — „Кесь-ке-се ^{z)}), мусье, кес-ке-се?“ произнёсъ онъ трепещущимъ голосомъ. — Тихе! молчать! отвѣчалъ учитель чистымъ русскимъ языкомъ: молчать или вы пропали. Я — Дубровскій.

Теперь попросимъ у читателя позволенія объяснить послѣднія происшествія нашей повѣсти. — Французъ, выписанный Кирилою Петровичемъ, встрѣтился на одной изъ ближайшихъ къ Покровскому станцій съ Владиміромъ Дубровскимъ, который, узнавъ отъ него цѣль его поѣздки, предложилъ ему значительную сумму денегъ, съ тѣмъ, чтобы французъ отдалъ ему свои бумаги и рекомендательныя письма, немедленно уѣхалъ и никому не рассказывалъ объ этомъ. Французъ согласился на сдѣланное ему предложеніе, а Ду-

^{z)} Кесь-ке-се = qu'est-ce que c'est = что это такое?

бровскій овладѣвъ его бумагами, смѣло явился къ Троекурову и поселился въ его домѣ.

Марья Кириловна между тѣмъ все болѣе и болѣе привязывалась къ Дефоржу; она скучала безъ него и начала признаваться сама себѣ съ невольной досадой, что сердце ея равнодушно къ достоинствамъ молодаго француза. Однажды — это было нѣсколько дней спустя послѣ храмоваго праздника — во время урока пѣнія Дефоржъ подаль ей украдкой записку, въ которой просилъ свиданья. Любопытство Марьи Кириловны было сильно возбуждено, она давно уже ожидала признанія, и не знала только, какъ принять его. Вечеромъ, въ назначенный часъ, она вышла въ садъ, и не успѣла еще приготовиться къ свиданью, какъ Дефоржъ стоялъ уже передъ нею. —

„Благодарю васъ“, сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ, „что вы не отказали мнѣ въ моей просьбѣ. Я былъ бы въ отчаяніи, если бы вы на то не согласились.“

Марья Кириловна отвѣчала заготовленною фразой: Надѣюсь, что вы не заставите меня раскаться въ моей снисходительности.

Онъ молчалъ и, казалось, собирался съ духомъ. „Обстоятельства требуютъ.... я долженъ васъ оставить“, сказалъ онъ наконецъ: „вы скоро, можетъ быть, услышите.... но передъ разлукой я долженъ съ вами самъ объясниться.“

Марья Кириловна не отвѣчала ничего.

Въ этихъ словахъ видѣла она предисловіе къ ожидаемому признанію.

„Я не то, что вы предполагаете“, продолжалъ онъ, потупя голову: „я не французъ Дефоржъ — я Дубровскій.“ Марья Кириловна вскрикнула.

„Не бойтесь, ради Бога; вы не должны бояться моего имени. Да, я тотъ несчастный, котораго вашъ отецъ, лишивъ куска хлѣба, выгналъ изъ отцовскаго дома и послалъ грабить на большихъ дорогахъ. Но вамъ не надобно меня бояться ни за себя, ни за него. Всё кончено.... я ему простилъ; вы спасли его. Первый мой кровавый подвигъ⁵³⁾ долженъ былъ совершиться надъ нимъ. Я ходилъ около его дома, назначая, гдѣ вспыхнуть пожару, откуда войти въ его спальню, какъ пресѣчь ему всѣ пути къ бѣгству; въ ту минуту вы прошли мимо меня, какъ небесное видѣніе, и сердце мое смирилось. Я понялъ, что домъ, гдѣ обитаете вы, священъ, что ни единое существо, связанное съ вами узами крови, не подлежитъ моему проклятiю. Я отказался отъ мщенія, какъ отъ безумства. Цѣлые дни я бродилъ около садовъ Покровскаго въ надеждѣ увидѣть издали ваше бѣлое платье. Въ вашихъ неосторожныхъ прогулкахъ я слѣдовалъ за вами, прокрадываясь отъ куста къ кусту, счастливый мыслию, что васъ охраняю,

что для васъ нѣтъ опасности тамъ, гдѣ я присутствую тайно. Наконецъ случай представился.... я поселился въ [вашемъ] домѣ. Эти три недѣли были для меня днями счастья; ихъ воспоминаніе будетъ отрадою печальной моей жизни.... Сегодня я получилъ извѣстіе, послѣ котораго мнѣ невозможно болѣе здѣсь оставаться. Я расстаюсь съ вами сегодня, сей же часъ.... Но прежде я долженъ былъ вамъ открыться, чтобъ вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровскомъ. Знайте, что онъ рожденъ былъ для инаго назначенія, что душа его умѣла васъ любить, что никогда....“

Тутъ раздался сильный свистъ и Дубровскій умолкъ. Онъ схватилъ ея руку. Свистъ повторился. „Простите“, сказалъ Дубровскій: „меня зовутъ: минута можетъ погубить меня.“ Онъ отошелъ.... Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровскій воротился и снова взялъ ея руку. Если когда-нибудь несчастіе васъ постигнетъ и вы ни отъ кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, въ такомъ случаѣ общаетесь ли вы прибѣгнуть ко мнѣ, требовать отъ меня всего для вашего спасенія? Общаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?“ Марья Кириловна плакала молча. Свистъ раздался въ третій разъ.

„Вы меня губите!“ закричалъ Дубровскій:

„я не оставлю васъ, пока не дадите мнѣ отвѣта: общаетесь ли вы, или нѣтъ?“

Объщаюсь! прошептала бѣдная красавица.

Онъ взялъ ея руку и надѣлъ ей на палецъ кольцо. „Если рѣшитесь прибѣгнуть ко мнѣ, сказалъ онъ, то принесите кольцо сюда, опустите его въ дупло этого дуба; я буду знать, что дѣлать.“ Дубровскій поцѣловалъ ея руку и скрылся между деревьями.

Взволнованная свиданьемъ, Марья Кириловна возвратилась домой и нашла всѣхъ въ ужасномъ волненіи: Антонъ Пафнutyчъ донесъ о своемъ приключеніи, и исправникъ пріѣхалъ теперь арестовать Дефоржа.

Кирила Петровичъ горячился, не хотѣлъ вѣрить всей этой исторіи и велѣлъ тотчасъ-же отыскать учителя, но его не нашли, вѣроятно его успѣлъ кто-нибудь предупредить. — Тутъ уже и Кирила Петровичъ долженъ былъ убѣдиться; онъ сильно разсердился и прогналъ исправника вмѣстѣ съ гостями,

Прошло нѣсколько времени безъ всякаго замѣчательнаго случая. Но въ началѣ слѣдующаго лѣта произошло важное событіе въ семействѣ Кирилы Петровича.

Недалеко находилось помѣстье князя Верейскаго. Князь въ немъ не бывалъ, а жилъ постоянно за границей. Неожиданно онъ вернулся и сдѣлался сосѣдомъ Троекурова. Онъ былъ пораженъ красотою Марьи Кириловны, сталъ ухаживать за нею, и попросилъ у Кирилы

Петровича ея руки. Отецъ согласился. Бѣдная дѣвушка была въ отчаяніи. Онъ плакала, просила отца не выдавать ея за немилаго чело-вѣка — все было напрасно. Въ отчаяніи, она объявила отцу, что найдетъ себѣ заступника въ Дубровскомъ. Кирила Петровичъ пришелъ въ ярость и назначилъ свадьбу на слѣдующій-же день. Марья Кириловна проплакала всю ночь; къ утру она твердо рѣшилась воспользо-ваться помощію Дуброскаго.

Она позвонила, дѣвка вошла и на вопросы ея отвѣчала, что Кирила Петровичъ вечеромъ ѣздилъ къ князю Верейскому и возвратился поздно; что онъ далъ строгое приказаніе не выпускать ея изъ ея комнаты и смотрѣть за тѣмъ, чтобы никто съ нею не говорилъ; что, впрочемъ, не видно никакихъ особенныхъ приготовленій къ свадьбѣ кромѣ того, что велѣно было священнику не отлучаться изъ деревни ни подъ какимъ предлогомъ. Послѣ сихъ извѣстій дѣвка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Ея слова ожесточили молодую затворницу. Голова кипѣла, кровь волновалась; она рѣшилась дать знать обо всѣмъ Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо въ дупло завѣтнаго дуба. Въ это время камушекъ ударился въ окно ея, стекло зазвенѣло, Марья Кириловна взглянула на дворъ и увидѣла маленькаго Сашу, дѣлающаго ей знаки.

Она знала его привязанность и обрадовалась ему. „Здравствуй, Саша; зачѣмъ ты меня зовешь?“ „Я пришелъ, сестрица, узнать отъ васъ, не надобно ли вамъ чего нибудь. Папенька сердить и запретилъ всему дому васъ слушаться; но велите мнѣ сдѣлать, что вамъ угодно, и я для васъ все сдѣлаю.“

„Спасибо, милый мой Сашенька. Слушай, ты знаешь старый дубъ съ дупломъ, что у бесѣдки?“ — Знаю, зестрица. — „Такъ если ты меня любишь, сбѣгай туда поскорѣе и положи вотъ это кольцо въ дупло; да смотри же, чтобъ никто тебя не видалъ.“

Съ этими словами она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчикъ поднялъ кольцо, во весь духъ пустился бѣжать и въ три минуты очутился у завѣтнаго дерева. Тутъ онъ остановился, запыхаясь, оглянулся во всѣ стороны и положилъ колечко въ дупло.

Только что онъ удалился, какъ рыжій полуоборванный мальчишка мелькнулъ изъ-за бесѣдки, кинулся къ дубу, вынулъ кольцо, и пустился бѣгомъ, не оглядываясь, черезъ поле въ Кистевку.

Дошедши до двухъ сосенъ, стоящихъ передовыми стражами рощи, свиснулъ свистомъ пронзительнымъ и отрывисто и сталъ слушать: легкій и продолжительный свистъ слышался

ему въ отвѣтъ; кто-то вышелъ изъ рощи и приблизился къ нему.

Въ домѣ между тѣмъ дѣлались приготовленія къ свадьбѣ. Въ уборной барышни, передъ зеркаломъ, дама, окруженная служанками, убирала блѣдную, неподвижную Марью Кириловну; голова ея томно клонилась подъ тяжестью бриллантовъ; она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала ее, но молчала, бессмысленно глядясь въ зеркало. „Скоро ли?“ раздался у дверей голосъ Кирилы Петровича. Сію минуту! отвѣчала дама. Марья Кириловна встала и не отвѣчала ничего. Двери отворились. „Невѣста готова“, сказала дама Кирилѣ Петровичу: „прикажите подавать карету.“ „Съ Богомъ!“ отвѣчалъ Кирила Петровичъ, и — взявъ со стола образъ — „погоди ко мнѣ, Маша“, сказалъ онъ ей тронутымъ голосомъ: „благословляю тебя.“ Бѣдная дѣвушка упала ему въ ноги и зарыдала. Папенька.... папенька.... говорила она въ слезахъ, и голосъ ея замиралъ. Кирила Петровичъ спѣшилъ ее благословить: ее подняли и почти понесли въ карету. Съ нею сѣла посаженная мать⁵⁴⁾ и одна изъ служанокъ. Онѣ поѣхали въ церковь. Тамъ женихъ ужъ ихъ ожидалъ. Онъ вышелъ на встрѣчу невѣсты и былъ пораженъ ея блѣдностью и страннымъ видомъ. Они вошли вмѣстѣ въ холодную,

пустую церковь; за ними заперли дверь. Священникъ вышелъ изъ алтаря и тотчасъ же началъ. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала; думала объ одномъ съ самаго утра: ждала Дубровскаго; надежда ни на минуту ея не покидала. Но когда священникъ обратился къ ней съ обычнымъ вопросомъ^{а)} она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала. Священникъ, не дождавшись ея отвѣта, произнёсъ невозвратимыя слова.

Обрядъ былъ конченъ. Она чувствовала холодный поцѣлуй немилаго супруга; она слышала льстивыя поздравленія присутствующихъ и все еще не могла повѣрить, что жизнь ея была на вѣки окована, что Дубровскій не прилетѣлъ освободить ее. Князь обратился къ ней съ ласковыми словами — она ихъ не поняла; они вышли изъ церкви; на паперти толпились крестьяне изъ Покровскаго. Взоръ ея быстро ихъ обѣжалъ, и снова оказалъ прежнюю безчувственность. Молодые сѣли вмѣстѣ въ карету и поѣхали въ имѣнiе князя, куда уже Кирила Петровичъ отправился прежде, дабы^{б)} встрѣтить тамъ молодыхъ.

а) Съ обычнымъ вопросомъ т. е. съ вопросомъ: добровольно ли она выходитъ за (князя) и не общалась ли она кому нибудь другому.

б) Дабы = чтобы.

Наединѣ съ молодою женою князь нимаго не былъ смущенъ ея холоднымъ видомъ. Онъ не сталъ докучать ей приторными изъясненіями и смѣшными восторгами; слова его были просты и не требовали отвѣтовъ. Такимъ образомъ проѣхали они около десяти верстъ; лошади неслись быстро по проселочной дорогѣ, и карета почти не качалась на своихъ англійскихъ рессорахъ. Вдругъ раздались крики погони; карета остановилась, и толпа вооруженныхъ людей окружила ее. Человѣкъ, въ полу-маскѣ, отворилъ дверцы со стороны, гдѣ сидѣла молодая княгиня, и сказалъ ей: „Вы свободны: выходите.“ „Что это значить? закричалъ князь, „кто ты таковъ?....“ „Это Дубровскій“, отвѣчала княгиня. Князь, не теряя присутствія духа, вынулъ изъ боковаго кармана дорожный пистолетъ и выстрѣлилъ въ маскированного разбойника. Княгиня вскрикнула и съ ужасомъ закрыла лицо обѣими руками. Дубровскій былъ раненъ въ плечо; кровь полилась. Князь, не теряя ни минуты, вынулъ другой пистолетъ. Но ему не дали времени выстрѣлить; дверцы растворились, и нѣсколько сильныхъ рукъ вытащили его изъ кареты и выхватили у него пистолетъ. Надъ нимъ засверкали ножи. „Не трогать его!“ закричалъ Дубровскій, и мрачные его сообщники отступили. „Вы свободны:“

продолжалъ Дубровскій, обращаясь къ бѣдной княгинѣ. — „Нѣтъ!“ отвѣчала она: „поздно, я обвинчана, я жена князя.“ „Что вы говорите! закричалъ съ отчаяніемъ Дубровскій: „нѣтъ! вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться....“ „Я согласилась, я дала клятву“. возразила она съ твердостью. „Князь мой мужъ, прикажите освободить его и оставьте меня съ нимъ. Я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минуты.... но теперь, говорю вамъ, теперь поздно. Пустите насъ.“ Но Дубровскій уже ея не слыхалъ; боль раны и сильныя волненія души лишили его силы. Онъ упалъ у колеса; разбойники окружили его. Онъ успѣлъ сказать имъ нѣсколько словъ; они посадили его верхомъ, двое изъ нихъ его поддерживали, третій взялъ лошадь подъ устцы, и всѣ поѣхали въ сторону, оставя карету посреди дороги, людей связанныхъ, лошадей отпряженныхъ, но не разграбя ничего и не проливъ ни единой капли крови въ отмщеніе за кровь своего атамана. —

Вскорѣ послѣ того разбои прекратились, но про Дубровскаго никто не зналъ, куда онъ дѣвался. По нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ скрылся за границу.

ОБЪЯСНЕНІЯ.

1) Угождать прихотямъ кого-либо — den Launen Jemandes zu Gefallen sein.

2) Подобострастіе — die Unterwürfigkeit, Kriecherei.

3) Барская праздность — herrschaftlicher Müßiggang.

4) Псарня — der Hundezwinger.

5) Гончая (собака) — Hasenhund.

6) Борзая (собака) — Windhund.

7) Щенокъ — das Welp.

8) Хватиться кого-либо — замѣтить отсутствіе кого-либо — Einen vermissen.

9) Да что онъ въ самомъ дѣлѣ затѣялъ — was denkt er sich eigentlich?

10) Связываться съ кѣмъ-либо — sich mit Jemand einlassen.

11) Наплачется онъ у меня — das soll er mir bitter bereuen!

12) Идти на кого — Einem feindlich entgegentreten, Einem zuwiderhandeln, den Krieg erklären.

13) Вражда не унимается — die Feindschaft legt sich nicht.

14) Засѣдатель — Assessor.

15) Какъ бишь тебя зовутъ — wie heisst du doch?

16) Врешь, собственно: lügst; тутъ: Unsinn!

17) Давать, дать въ обиду — zulassen, dass Einer gekränkt, in seinen Rechten beeinträchtigt werde.

18) Некошенный лугъ — Pferde- oder Kälber-Koppel.

19) Спутанная лошадь — ein gekoppeltes Pferd.

20) Ноги подъ нимъ подкосились — die Füße knickten ihm ein.

21) Параличъ его ударилъ — der Schlag hatte ihn gerührt.

22) Сказать что-либо съ сердцемъ — etwas zornig, heftig sagen.

23) Усовѣсти ихъ — bring sie zur Vernunft.

24) Убирайся по добру, по здорову — mache, dass du mit heiler Haut davonkommst.

25) Какъ не такъ — das fehlt auch noch.

26) Принимай = бери = los!

27) Чѣмъ свѣтъ — vor Tagesanbruch.

28) Во свояси = во своя веси = домой — nach Hause.

29) До чего мы дожили — was müssen wir erleben.

- 30) Охалка — Armvoll.
 31) Въ торопяхъ — in der Eile.
 32) Пускаться, пуститься въ объѣздъ — einen Umweg machen.
 33) Ты, знать, не изъ храбраго десятка — du scheinst mir nicht gerade zu den Tapferen zu gehören.
 34) Того и гляди — eh' man sich's versieht.
 35) Онъ малый не промахъ (т. е. онъ промаху не дастъ) — er weiss, wo Lucas sein Bier holt, er macht keinen Fehlgriff.
 36) Показать (что-либо передъ судомъ) — vor Gericht eine Aussage machen, deponiren.
 37) Царство ему небесное — Gott hab' ihn selig.
 38) Онъ общалъ со мною по свойски перевѣдаться — er versprach mir's nach seiner Art zu gedenken (einzutränken).
 39) Кулебяка — Fischpirogge.
 40) А проку всё-таки нѣтъ — und es kommt doch nichts Gescheides dabei heraus.
 41) Примѣты — das Signalement.
 42) Кстати — (собственно; zur rechten, zur gelegenen Zeit), тутъ: da es gerade gelegen kommt, da davon gerade die Rede ist.
 43) Попадаться въ глаза — zu Gesichte kommen.
 44) См. 41; тутъ: Merkzeichen.
 45) И только? — ist das Alles?
 46) Бьюсь объ закладъ = держу пари = ich wette.
 47) Флигель — das Seitengebäude (die Herberge).
 48) Съ грѣхомъ пополамъ — mit genauer Noth, so gut oder so schlecht er's kann.
 49) Въ потѣмкахъ — im Dunkeln.
 50) Проклятый басурманъ — verdammter Heide.
 51) А мнѣ такъ и сонъ въ умъ нейдетъ — ich aber kann an Schlaf nicht denken.
 52) Завѣтный — etwas, was Einem heilig, theuer, unantastbar ist.
 53) Кровавый подвигъ = тутъ: die Blutthat.
 54) Посаженная мать — die Brautmutter. Bei den Hochzeitsfeierlichkeiten werden die Eltern der Braut von einer Brautmutter und einem Brautvater vertreten.
 55) Приневолить кого-либо — Jemand zwingen.
 56) Взять лошадь подъ утцы — das Pferd am Zügel fassen.

